

Конни Уиллис Последняя «виннебаго»

ISBN 5-7841-0288-5

Оригинал: Connie Willis, "The Last of the Winnebagos", 1988

Перевод: М. Перпер

Аннотация

Конни Уиллис – одна из самых известных писательниц нового поколения американских фантастов, собравшая рекордное количество премий. Её рассказы получили высокую оценку и покорили сердца читателей бесподобным юмором, неистощимой изобретательностью, раскрепощенной фантазией и мастерским владением сюжетом.

Рассказ «Последняя 'виннебаго'» удостоен премии «Хьюго» 1989 года.

Я ехал в Темпе и увидел на дороге мертвого шакала. Моя машина шла в крайнем слева ряду Ван-Бюренского шоссе, за десять полос от него, он лежал спиной ко мне, так что длинные ноги были плохо видны, а прижатая к мостовой морда казалась уже, чем на самом деле, и сначала я подумал, что это собака.

Последний раз я видел убитое животное на дороге пятнадцать лет назад. На большие трассы животные вообще попасть не могут, а многорядные шоссе почти все окружены оградой. Да и люди стали бережнее относиться к своим любимцам.

Верно, и этот шакал был чьим-нибудь питомцем. Шоссе проходило тут через жилую часть Финикса, и там вполне могли найтись любители и таких тварей, которые лакомятся падалью. Разумеется, это не значит, что их можно давить и бросать на дороге. Убить животное – преступление, не сообщить о таком происшествии – тоже преступление. Однако того, кто сделал это, уже и след простыл.

Я съехал на обочину, остановился и стал оглядывать пустынное многорядное шоссе. Кто же все-таки задавил зверя? Остановились ли эти люди, чтобы убедиться в его смерти?

Кэти тогда остановилась. Она с такой силой нажала на тормоза, что ее джип подскочил и съехал в кювет. Она сразу выпрыгнула из него. Я бежал к своему псу, увязая в снегу, и мы

оказались возле него почти одновременно. Я опустился на колени, на шее у меня болтался фотоаппарат в полуоткрытом треснувшем футляре.

«Я задавила его, – сказала Кэти. – Я наехала на него джипом».

Я посмотрел в зеркало заднего вида. Из-за наваленной на сиденье кучи фотопринадлежностей с айзенштадтом сверху нельзя было ничего разглядеть. Я вышел из машины. До того места, где лежало убитое животное, было около мили, но я уже сообразил, что это шакал.

– Маккоум! Дэвид! Добрался уже? – донесся из машины голос Рамирез.

Я просунул голову в дверцу и крикнул в сторону микрофона:

– Нет. Я еще на шоссе.

– Матерь Божья, что ты застрял? Конференция у губернатора начинается в полдень, а надо, чтобы ты успел побывать в Скоттсдейле и снять закрытие западного Тальесина. Там надо быть в десять. Послушай-ка, Маккоум, я кое-что пронюхала насчет Эмблеров. Они называют свою машину «стопроцентно подлинной», а на самом деле это не так. У них не «виннебаго», а «вездеход». Правда, это последняя машина для отдыха в нашем штате, которая используется по прямому назначению, как Утверждает дорожный патруль. На такой разъезжал еще до марта некто Элдридж. Правда, у него тоже была не «виннебаго», а «шаста». Так у него отобрали права в Оклахоме, за то, что он забрался на полосу для автоцистерн-водовозов. Теперь только четыре штата разрешают езду на машинах для отдыха. В Техасе этот вопрос обсуждается, а в Юте голоса разделились, но через месяц запретят, наверное. Очередь за Аризоной, так что ты уж поснимай побольше, Дэви, дружок. Другой возможности, пожалуй, не будет. Да и зоопарк поснимай немножко.

– Ну а что насчет Эмблеров?

– Это их настоящая фамилия [ambler – «странник, бродяга» (англ.)], представь себе. Я проверила их досье. Он был сварщиком, она – кассиршей в банке. Детей у них не было. Они катаются с восемьдесят девятого года, когда он вышел на пенсию. Разъезжают уже целых девятнадцать лет. Дэвид, ты пользуешься айзенштадтом?

Такой разговор она заводила уже трижды. Последнее время каждый раз, когда мне надо было много снимать.

– Я же еще туда не добрался, – уклонился я от прямого ответа.

– Так вот, я хочу, чтобы ты его использовал на губернаторской конференции. Если удастся, поставь его на стол губернатора.

Я и так собирался поставить айзен на какой-нибудь стол. Лучше так, чтобы запечатлеть репортеров сзади, когда они рвутся в бой, держа телекамеры в вытянутых руках, надеясь, что нацеливают их правильно, – ведь губернатора совсем не видно – и отчаянно пытаются заснять хоть что-нибудь. Авось получится забавный снимок какого-нибудь репортера, опрокидывающего аппарат сверху дном.

– Это новая модель. С особым спусковым механизмом. Настроена так, чтобы снимать лица, фигуры во весь рост и машины на ходу.

– Восхитительно! Значит, я привезу сотню катушек со снимками прохожих и мотоциклов.

Интересно, как эта чертова штука узнает, когда надо щелкать затвором, кто среди восьмисот человек губернатор и во весь рост его надо снимать или только лицо? Считается, что этот аппарат может давать любую выдержку и строить композиции на основе компьютерных расчетов. Но ведь на самом-то деле он может лишь, не рассуждая, отщелкивать все, что окажется перед его идиотским объективом, вроде того, как это делают камеры на шоссе, замеряющие скорость движения автомашин.

Возможно, его и проектировали те же типы из какой-нибудь правительственной конторы, которые придумали расставлять камеры вдоль шоссе, а не над ним. Водителям надо лишь немного увеличить скорость, и цифры на номерных знаках смазываются до неразличимости. Вот все и ездят еще быстрее. Да, прямо не терпится испытать это замечательное устройство.

– Компания «Сан» очень интересуется айзенштадтом, – сказала Рамирез и отключилась, не прощаясь. Она никогда не прощается, просто перестает говорить, а спустя какое-то время подключается снова.

Я оглянулся на сбитого шакала. Шоссе было совсем пустынно. Водители новых автомашин и мотоциклисты почти не пользуются многополосными шоссе без разделителей, даже в часы пик. Слишком много легковушек попало под автоцистерны. Обычно на таких шоссе встречается хоть несколько машин старого образца или как-нибудь нарушающих правила, благо патрули все заняты на трассах с разделителями. Но на этот раз – ни одной.

Я влез опять в свою «хитори» и дал задний ход. Оказавшись вровень с шакалом, я выключил зажигание, но выходить не стал. Можно было и отсюда разглядеть струйку крови, вытекающую из его пасти. Вдруг с ревом вылетел грузовик-водовоз, мчавшийся на бешеной скорости сразу по трем средним полосам, чтобы дорожные камеры не засекли его. Он зацепил шакала и превратил его заднюю часть в кровавое месиво. Хорошо, что я не попытался пересечь полосы: этот водовоз просто не заметил бы меня.

Я завел свою машину и доехал до ближайшего поворота, рассчитывая найти телефон. Я нашел его на старой дороге семь-одиннадцать, ведущей к Мак-Дауэллу, и позвонил в Гуманное Общество:

- Сообщаю, что видел мертвое животное на шоссе.
 - Имя и номер? – спросила дежурная.
 - Это шакал. Лежит на дальней правой полосе между тридцатым и тридцать вторым участком Ван-Бюренского шоссе.
 - Скорую помощь оказали?
 - Он мертвый.
 - Вы перенесли животное на обочину дороги?
 - Нет.
 - Почему? – Тон дежурной стал резче и требовательнее.
- Да потому, что мне показалось, что это собака.
- У меня не было лопаты. – Я повесил трубку.

К восьми тридцати я добрался до Темпе, несмотря на то, что, казалось, все водовозы штата внезапно устремились на Ван-Бюренское шоссе. Меня оттеснили в сторону, и почти всю дорогу я ехал по обочине.

«Виннебаго» стояла недалеко от старого зоопарка между Финиксом и Темпе. В рекламном листке говорилось, что ее владельцы принимают посетителей с девяти до девяти. Я собирался побольше поснимать, пока не нахлынул народ, но было уже без четверти девять и, даже если и не будет столпотворения машин на пыльной стоянке, поздновато, пожалуй.

Фотографом работать не слишком весело. У большинства людей лица при виде камеры закрываются, словно ставни при слишком ярком солнце, и остается фотофизиономия, «лицо для публики». У всех почти улыбающееся, кроме, может быть, сенаторов и арабских террористов, но – с улыбкой или без улыбки – настоящие чувства оно скрывает. Хуже всего снимать актеров, политических деятелей – вообще тех, кто постоянно фотографируется. Чем привычнее для человека находиться на глазах у публики, тем легче снимать его с большого расстояния видеокамерой и тем труднее сделать снимок, хоть сколько-нибудь отражающий его суть. А ведь Эмблеров снимали почти двадцать лет, и без четверти девять они, вероятно, уже будут при своих фотофизиономиях.

Я поставил машину у подножия холма, возле рощицы юкк и окотилл, где раньше находилась вывеска зоопарка, вытащил из кучи на заднем сиденье видеокамеру и сделал издали несколько снимков установленного вдоль шоссе щита с объявлением «Смотрите настоящую машину для отдыха »виннебаго«. Стопроцентно подлинная».

Подлинная «виннебаго» была поставлена на площадке перед зоопарком; рядом росли кактусы и пальмы. Рамирез говорила, что машина не настоящая «виннебаго», но на ней была большая буква «В», ее знак, от которой расходились полосы, опоясывающие кузов. Мне показалось, что вообще она выглядела так, как и полагалось машине для отдыха, хотя уже

лет десять я этих фургонов не встречал.

Надо сказать, я к ним никогда симпатии не испытывал и, когда Рамирез позвонила и дала мне это поручение, я сразу подумал, что пора бы избавиться от некоторых вещей вроде комаров, дорожных разделителей и прежде всего машин для отдыха. Еще когда я жил в штате Колорадо, они повсюду в горах ползали по крайней левой полосе. Причем даже в то время, когда ширина полос была пятнадцать футов, они занимали две полосы, а за ними тянулся целый хвост легковых машин, водители которых в выражениях не стеснялись. Я оказался позади такого фургона на перевале Независимости, в хвосте длинной вереницы намертво застрявших машин. Это из него вылез десятилетний мальчишка и начал фотографировать. Другой такой фургон не справился с поворотом напротив моего дома и свалился в «мой» кювет. Он был похож на кита, выброшенного на берег. Правда, поворот вообще был коварный.

Из боковой двери «виннебаго» вышел старик в отглаженной рубашке с короткими рукавами, обошел машину и начал мыть ее спереди, макая губку в ведерко. Где же он взял воду? Рамирез переслала мне данные о «виннебаго»: ее бак для воды едва вмещал 50 галлонов. Этого достаточно для питья, душа и, может быть, для того, чтобы сполоснуть, посуду. В зоопарке никаких колодцев не было. Старик же обливал и бампер, и даже шины, словно у него был большой запас воды.

Я сделал несколько снимков машины, припаркованной посреди просторной стоянки, а потом телеобъективом снял старика, моющего бампер. На руках и на лысине у него были крупные рыжевато-коричневые пятна; бампер он тер изо всех сил. Потом остановился, отошел и позвал жену. Вид у него был встревоженный, а может быть, просто раздраженный. Я был слишком далеко и не мог расслышать, сказал он ей что-нибудь, досадливо окликнул или просто позвал посмотреть, хорошо ли вымыто, и лица его я не видел. Она открыла металлическую боковую дверцу с узеньким окошком и шагнула на металлическую ступеньку.

Старик что-то спросил у нее, она, не сходя со ступеньки, посмотрела на шоссе и покачала головой. Затем подошла к машине спереди, вытирая руки посудным полотенцем, и оба постояли, оглядывая результаты его работы.

Хозяева-то были подлинные на сто процентов, даже если их машина и была фальшивкой. Все у них было подлинно американское, вплоть до ее блузки в цветочек и брюк из синтетики, пожалуй, тоже стопроцентной, и петушка, вышитого на посудном полотенце. На ногах у нее были коричневые кожаные тапочки, такие же, какие носила когда-то моя бабушка. Жидкие седые волосы были аккуратно заколоты. В досье говорилось, что супругам идет восьмой десяток. Я бы подумал, что девятый, хотя они были, пожалуй, слишком уж подлинными, а значит, возможно, и ненастоящими, как их машина. Женщина все вытирала руки полотенцем, как, бывало, моя бабушка, когда волновалась, и это действие было подлинным, хотя лицо ее не выражало никаких чувств. Она, должно быть, сказала старику, что бампер совсем чистый, потому что он бросил губку в ведро и обошел машину сзади. Жена вернулась внутрь и затворила за собой металлическую дверцу, хотя температура поднялась уже до сорока трех градусов, а они не потрудились поставить свою колымагу хотя бы в жалкой тени пальмы.

Я убрал телеобъектив. Старик вынес большой лист фанеры с объявлением и прислонил его к машине сбоку. На фанере было написано: «Последняя »виннебаго«. Смотрите исчезающую модель. Билет для взрослых 8 долларов, для детей до 12 лет – 5 долларов. Открыто с девяти утра до захода солнца». Старик натянул веревки с красными и желтыми флажками, потом подхватил ведерко и двинулся к двери, но на полпути остановился, пошел к краю стоянки, откуда дорогу, наверное, было лучше видно, вернулся, ступая совсем по-стариковски, и еще раз провел губкой по бамперу.

– Покончил уже с машиной для отдыха, Маккоум? – раздался голос Рамирез из телефона в моей машине.

Я засунул камеру под заднее сиденье.

– Только что добрался сюда. Сегодня утром все водовозы Аризоны сошлись на Ван-Бюренском шоссе. Слушай, какого черта ты не даешь мне написать о том, как они безобразничают на многорядных трассах?

– Хочу, чтобы ты живым добрался до Темпе. Пресс-конференцию губернатора перенесли на час дня, так что ты успеешь. Воспользовался уже айзенштадтом?

– Я же сказал, что только-только приехал сюда. Я еще не включал эту чертову штуку.

– Ее включать не надо. Она сама начинает действовать, как только поставишь ее на ровную поверхность.

– Замечательно. Может быть, там уже целая катушка в сто кадров снялась, пока я ехал.

– Ну, уж если не для съемки «виннебаго», так на губернаторской конференции обязательно используй его. И, кстати, ты уже подумал насчет перехода к просмотру?

Вот почему компания «Сан» так заинтересовалась айзенштадтом. Проще послать фотографа, который умеет писать, чем и фотографа, и репортера, особенно теперь, когда компания заказывала маленькие одноместные «хитори». Так я и превратился в фотографа-журналиста. А можно пойти и дальше, вообще не посылать сотрудников: послать айзен и столик-опору для него, и не понадобится машина, даже маленькая «хитори», не нужно оплачивать дорожные расходы. Можно просто послать аппарат вместе с подставкой по почте; его положат на стол губернатору, а потом забрать его – и десяток подобных – приедет кто-нибудь на одноместной машине. И не надо ему быть ни фотографом, ни журналистом.

– Нет, – сказал я и оглянулся. Старик последний раз протер бампер, отошел к обложенным камнями посадкам у входа в зоопарк и выплеснул воду из ведра на кактус, который, пожалуй, мог принять это за весенний ливень и зацвести, прежде чем я соберусь подняться на этот пригорок.

– Слушай, мне пора идти, чтобы успеть сделать хоть несколько снимков, пока не явились туристы.

– Пожалуйста, подумай об этом. И не забывай про айзенштадт. Он тебе понравится, только попробуй.

– Посмотрим, – сказал я и оглядел шоссе. Пока никого не было видно. Может быть, из-за этого и волновались Эмблеры. Надо было мне узнать у Рамирез, сколько у них в среднем бывало в день посетителей и что за люди тратились на поездку в такую даль, чтобы посмотреть на старую, изношенную машину для отдыха. Даже от Темпе сюда ехать три с четвертью мили. Может быть, никто и не приедет. Тогда я смогу сделать несколько приличных снимков. Я залез в свою «хитори» и поднялся по крутому склону.

– Здравсте! – сказал старик, расплывшись в улыбке и протягивая мне свою покрытую рыжевато-коричневыми пятнами руку. – Меня зовут Джейк Эмблер. А это моя Винни (он похлопал по металлической стенке фургона), последняя «виннебаго». Вы один?

– Дэвид Маккоум, – представился я, показывая редакционный пропуск. – Я фотограф. Компания «Сан», газета «Сан» в Финиксе, «Трибуна» в Темпе-Меса, «Звезда» в Глендейле и другие. Вы разрешите мне сделать несколько снимков вашей машины?

Я опустил руку в карман и включил записывающее устройство.

– Ну конечно. Мы всегда сотрудничаем с прессой, мы с миссис Эмблер. Я только что почистил старушку Винни, она здорово запылилась по пути из Глоуба.

Он позвал жену. Хотя она не могла не слышать нашего разговора, металлическая дверца оставалась закрытой.

– Мы уже почти двадцать лет ездим на Винни. Я купил ее в 1992 году в Форест-Сити, в штате Айова, где их делали. Жена покупать не хотела, сомневалась, понравится ли ей путешествовать, ну а теперь ни за что не хочет с ней расставаться.

Он уже совсем вошел в роль: на лице его появилось выражение дружелюбной открытости: «мне от вас нечего скрывать», – которое прятало все чувства. Фотографировать его не имело смысла. Я вытащил телекамеру и сделал несколько снимков окрестностей, пока он водил меня вокруг машины.

– Вот это, – сказал он, встав одной ногой на шаткую металлическую лесенку и похлопывая по металлическому поручню наверху, – место для багажа, а это бак для грязной воды. В него входит 30 галлонов, и есть автоматический электронасос, который можно приладить к любому сливу. Все сходит за пять минут, даже рук не испачкаешь. А это бак для чистой воды. – Он похлопал по баку из серебристого металла, рядом с мусорным. – Вмещает 40 галлонов, нам двоим этого вполне достаточно. Объем внутреннего помещения 150 кубических футов, а высота 6 футов. Довольно даже для такого высокого парня, как вы.

Он все мне обстоятельно показал, говорил спокойно и приветливо, без фамильярности, но в голосе его послышалось облегчение, когда к стоянке, пытаясь, подкатил старенький автомобильчик. Он опасался, видно, что посетителей совсем не будет. Из подъехавшей машины выбралась семья японских туристов: женщина с коротко подстриженными волосами, мужчина в шортах и двое детишек. Один из мальчиков держал на сворке хорька.

– Я пока огляжусь, а вы занимайтесь платными посетителями.

Я убрал видеокамеру в машину, взял телеобъектив и пошел к зоопарку. Для Рамирез я сделал крупный снимок вывески зоопарка, представляя, как она напишет под ним: «Старый зоопарк теперь опустел. Не слышно ни львиного рычания, ни слоновьего рева, ни детского смеха. Конец пришел старому, последнему в своем роде зоопарку города Финикс. А за воротами его стоит еще одна вещь, последняя в своем роде. Смотри рассказ на стр. 10». Может быть, есть смысл использовать тут айзен и компьютеры.

Я вошел в зоопарк – впервые за много лет. В конце восьмидесятых поднялся большой шум по поводу того, как устраивать зоопарки. Я тогда только фотографировал, но сам не писал на эту тему, потому что тогда еще существовали репортеры. Я снимал клетки, из-за которых велись споры, снимал и нового директора зоопарка, который поднял всю эту кутерьму, остановив начатое было переустройство и передав все средства группе защиты диких животных.

«Я отказываюсь тратить деньги на клетки, куда через несколько лет уже некого будет сажать. Опасность полного исчезновения грозит лесному волку, калифорнийскому кондору, медведю гризли; наш долг спасти их, а не устраивать удобную тюрьму для последних представителей этих видов».

Гуманное Общество назвало его тогда паникером. Как с тех пор изменились взгляды! Он был паникером, разумеется, ну и что? Зато гризли не вымер, водится еще в Колорадо и представляет собой главную приманку для туристов. А в Техасе сейчас столько журавлей, что даже поговаривают о том, чтобы разрешить частичный отстрел их.

Но старый зоопарк перестал существовать. Всех животных перевели в более удобную тюрьму в Сан-Сити: шестнадцать акров саванны для зебр и львов, а для полярных медведей постоянно производят свежий снег.

В старом зоопарке тоже не было собственно клеток, хотя директор и говорил о них. Сразу за воротами был окруженный невысокой каменной стеной загон для водосвинок – очень славная лужайка, посреди которой теперь поселилось семейство луговых собачек.

Я вернулся к воротам и бросил взгляд вниз, на «виннебаго». Семья туристов крутилась около фургона. Мужчина нагнулся, чтобы осмотреть его снизу. Один из мальчиков залез на заднюю лесенку. Хорек обнюхивал переднее колесо, которое Джейк Эмблер так тщательно мыл утром; похоже было, что зверек собирается поднять на него лапку, если хорьки так делают. Мальчик дернул за ремешок и взял хорька на руки. Мать повернулась и что-то сказала ему. Нос у нее был обожжен солнцем.

У Кэти нос тоже был обожжен солнцем. И намазан белым кремом, которым тогда пользовались лыжники. На ней были штормовка с капюшоном, джинсы и неуклюжие бело-розовые башмаки-луноходы, в которых невозможно было бежать; но все-таки она добралась до Аберфана раньше меня. Я обежал ее и опустился возле него на колени.

«Я сбила его, – проговорила она растерянно. – Я сбила собаку».

«Залезайте в свой джип, черт побери! – рявкнул я на нее, стащил с себя свитер и попытался завернуть в него Аберфана. – Надо скорее отвезти его к ветеринару».

«Он умер?» – Лицо Кэти стало бледнее, чем крем на носу.

«Нет! – крикнул я. – Нет, он не умер».

Внизу мать туристского семейства повернулась и, заслонив глаза рукой, посмотрела вверх, в сторону зоопарка. Она увидела фотоаппарат, опустила руку и заулыбалась неестественно, показывая все зубы. Хуже всего выглядят на фото люди, привыкшие бывать на публике, но и те, кто снимается случайно, как-то закрываются, и дело не только в фальшивой улыбке. Можно подумать, что в старой суеверии, будто фотография похищает душу, есть доля истины.

Я сделал вид, что фотографирую туристку, затем опустил камеру. Директор зоопарка установил перед воротами ряд знаков, вроде надгробий, для тех видов животных, которым угрожало исчезновение. Надписи на них были покрыты прозрачной пластмассой, хотя толку от этого было немного. Я стер пыль с ближайшего знака. Там стояло «*Canis latrans*. Койот. Североамериканская дикая собака. Почти не встречается, так как подвергалась массовому отравлению фермерами, видевшими в ней опасность для коров и овец». Рядом с названием зверя стояли две зеленые звездочки, а пониже был снимок сидящего койота со свалявшейся шерстью и пояснение к звездочкам. Синие обозначали, что вид в опасности, желтые – что опасность угрожает местообитанию вида, красные – что вид уже не встречается.

После смерти Майши я приезжал сюда фотографировать собаку динго, койотов и волков, но в то время уже началось перемещение зоопарка и мне не удалось сделать никаких фотографий, да и пользы от снимков, пожалуй, не было. На цветной фотографии койота, приклеенной к знаку, краски сильно выцвели, сам зверь стал зеленовато-желтым, а его желтые глаза почти белыми, однако вид у него был самоуверенный и бодрый, совсем как у Джейка Эмблера, приготовившегося сниматься.

Туристы собрались уезжать. Мать загоняла детей в машину. Мистер Эмблер, покачивая лысой головой, провожал отца. Тот еще поговорил, опираясь на дверцу, потом залез внутрь и уехал. Я сошел вниз.

По лицу мистера Эмблера нельзя было сказать, что он раздосадован тем, что туристы задержались всего на десять минут и, насколько я мог заметить, ничего ему не заплатили. Он подвел меня к своей Винни и показал ряд наклеек на боку под цветной полосой.

– Вот в каких штатах мы побывали. – Он указал на ближайшую из цветных картинок с символами штатов. – Во всех штатах, да еще в Канаде и в Мексике. Самый последний штат, куда мы ездили, – Невада.

Отсюда легко было разглядеть, что он замазал первоначальное название машины, а поверх провел красную полоску. Краска была тусклой, неподлинной. Название «вездеход» было прикрыто деревянной пластинкой с выжженными словами «Путешествующие Эмблеры».

Старик показал большую стопку переводных картинок, наколотых на проволоку в коробочке с надписью «Повезло мне в Цезаревом дворце, в городе Вегас» и изображением обнаженной танцовщицы.

– Мы только в Неваде не могли найти картинки. Их теперь уже, кажется, не выпускают. И знаете, еще что не удастся разыскать? Покрышки для руля. Знаете, есть такие штуки? Чтобы не горячо было рукам, когда рулевое колесо очень нагреется.

– Вы все время один ведете машину? – спросил я.

Он помедлил с ответом, и я подумал, что либо у него, либо у жены, наверное, нет прав. Надо будет проверить их досье.

– Миссис Эмблер иногда сменяет меня, но большей частью я сижу за рулем. Миссис Эмблер читает карту. На нынешних картах, черт их побери, из десяти раз пять не поймешь, какая дорога указана. Эти карты совсем не похожи на прежние.

Мы еще немного поговорили о вещах, которых теперь нигде не найти, и о том, как вообще все становится скверно, а затем я сказал, что хочу побеседовать с миссис Эмблер, вытащил из своей машины видеокамеру и айзенштадт и вошел внутрь «виннебаго».

Жена старика так и не выпустила из рук посудное полотенце, хотя в маленькой кабине

машины для отдыха не могло поместиться много посуды. Там было еще теснее, чем я воображал, потолок такой низкий, что, мне пришлось наклониться, и комнатка такая узкая, что камеру мне пришлось тесно прижать к себе, чтобы не задеть объективом сиденье. Жарко там было, как в печке, хотя шел только десятый час утра.

Айзен я положил на кухонный столик, скрытым объективом вверх. Если эта штука может действовать везде, то должна сработать и здесь. Миссис Эмблер некуда отойти, так что она все время будет в пределах видимости. Мне тоже некуда было деваться, но – ты уж прости, Рамирез, – кое-что живой фотограф все-таки может сделать лучше запрограммированного прибора, например, не попадать на снимки.

– Вот наша кухня, – сказала миссис Эмблер, свертывая полотенце и засовывая его в пластмассовое кольцо под раковиной. Полотенце висело вышивкой вверх. Оказалось, там не петух изображен, а пудель в шляпке, с корзинкой в лапах. Внизу было вышито: «За покупками ходи в среду».

– Видите, у нас тут двойной слив с ручным насосом. Холодильник электрический, объем 4 кубических фута. А сзади место для обеда. Стол складывается и входит в заднюю стенку, когда мы опускаем кровать. А вот и наша ванная.

Она была не лучше мужа. Чтобы положить конец этой заученной болтовне, я прервал ее вопросом:

– Давно у вас эта машина? – Иногда удается заставить людей говорить не о том, о чем они собирались, и тогда, если повезет, у них может появиться естественное выражение лица.

– Девятнадцать лет, – отвечала она, подняв крышку химического унитаза. – Мы купили ее в 2011 году. Я-то покупать не хотела – мне было жалко продавать свой дом и пускаться бродяжничать, как какие-то хиппи, но Джейк так решил, а теперь я ни за что бы не отдала ее. Душ работает от сорокагаллонного бака, и вода подается под давлением. – Она сделала шаг назад, так что я смог оглядеть душевую кабинку, такую узенькую, что мыло там некуда было уронить. Я сделал несколько снимков видеокамерой, как полагалось.

– И вы тут все время живете? – спросил я, стараясь, чтобы мой голос не выдал, насколько невозможным это представляется мне. Рамирез сказала, что они родом из Миннесоты. Я подумал, что, может, у них там есть дом, а ездят они только часть года.

– Джейк говорит, что наш дом – это широкий простор, – сказала она. Я уже не пытался сфотографировать ее, но сделал несколько хороших снимков для газет: разные детали – надпись «Пилот» перед водительским сиденьем, вязаный квадратный коврик на явно неудобном диванчике, на задних окошках ряд солонки и перечницы в виде индейских ребятишек, черных глиняных собачек и снопов пшеницы.

– Иногда мы живем в прерии, а иногда – на морском берегу. – Она подошла к раковине, накачала ручным насосиком чашки две воды в крошечную кастрюльку и поставила ее на двухконфорочную плитку. Потом взяла две ярко-голубые пластмассовые чашки с цветастыми блюдечками и баночку растворимого кофе, положила в чашки по пол-ложечки. – В прошлом году мы ездили в горы штата Колорадо. Там можно снять домик на озере или в пустыне. А когда нам надоедает, мы просто пускаемся снова в путь. Ах, сколько мы всего повидали!

Я ей не поверил. Колорадо одним из первых запретил движение по дорогам машин для отдыха, еще до трудностей с горючим и до строительства много-рядных шоссе. Сначала запретили ездить в этих фургонах через перевалы, потом изгнали их из национальных парков, а когда я уехал из Колорадо, их не пускали уже и на внутренние шоссе штата.

Рамирез сказала, что теперь машины для отдыха совершенно не допускаются на дороги в сорока семи штатах. В число их входит и Нью-Мексико. В Юте много ограничений, а во всех западных штатах ездить на этих машинах не разрешается днем. Если Эмблеры что и видели – конечно, уж не в Колорадо, – то лишь в темноте или мчась со скоростью шестьдесят миль в час, чтобы перехитрить дорожные фотокамеры, по какой-нибудь многорядной трассе, где не было патруля. А это мало похоже на вольные странствия, о которых они рассказывают.

Вода закипела. Миссис Эмблер налила ее в чашки, разбрызгав немного на голубые блюдца, и вытерла капли полотенцем.

– Сюда мы приехали из-за снега. В Колорадо так рано наступает зима.

– Я знаю, – сказал я. Тогда снег был в два фута толщиной – в середине сентября! Никто еще не сменил шины на снеговые. Листья на осинах еще не покраснели, а ветки кое-где обломились, не выдержав тяжести снега. На носу у Кэти оставался летний загар.

– А сейчас вы откуда приехали?

– Из Глоуба. – Она открыла дверцу и крикнула мужу: – Джейк! Кофе! – Чашки она перенесла на стол, который мог превращаться в кровать. – К нему можно приставить боковые створки, и тогда за ним поместятся шесть человек, – сказала она.

Я сел за стол так, чтобы она оказалась напротив айзенштадта. Задние окошечки были открыты, сквозь них пробивался солнечный свет. Было уже довольно жарко. Миссис Эмблер встала коленками на обтянутую клетчатой материей диванную подушку и осторожно, чтобы не уронить солонки и пепельницы, опустила мягкую матерчатую шторку.

За глиняные снопики было засунуто несколько фотографий. Я взял одну посмотреть. Фото было квадратное, снято полароидом, еще в то время, когда тоненький позитив надо было наклеивать на плотную картонку. Супруги стояли с уже знакомой мне дружелюбно-непроницаемой фотоулыбкой перед какой-то оранжевой скалой. Может быть, в Большом Каньоне? Или в заповеднике Зайон? Или в Памятной долине? На полароидных снимках четкость всегда уступала цвету. На руках у миссис Эмблер было что-то желтое, вроде кошки. Но нет, это была собачка.

– Это мы с Джейком у Чертовой Башни, – сказала она, взяв у меня из рук карточку. – И Тако. Здесь ее плохо видно. Очень умная была собачка. Чихуахуа. – Она вернула мне фото, порылась за солонками. – Таких милых собачек поискать. Вот здесь она гораздо лучше вышла.

Снимок, который она подала мне, был значительно лучше – на матовой бумаге, сделан хорошим аппаратом. Миссис Эмблер держала чихуахуа на руках, стоя перед своим фургонном.

– Когда мы ехали, она всегда сидела на ручке сиденья у Джейка и, когда впереди оказывался красный свет, смотрела на него, а когда он сменялся зеленым, взлаивала, словно напоминала, что надо двигаться. Чудесная была собачка.

Передо мной были широкие заостренные уши, глаза навывкате и крысиный нос. Собаки никогда не получаются на фото. Десятки раз я снимал их, и всегда получались календарные картинки. Настоящей собаки не видно, совсем не видно. Может быть, дело в отсутствии лицевых мышц? Собаки не умеют улыбаться, что бы ни говорили их владельцы. На снимках людей видно, как меняется человек с годами. А у собаки всегда одно и то же выражение, закрепленное воспитанием, для каждой породы свое: ищейка – мрачная, колли – бодрая, дворняга – озорная. А все прочее – выдумки любящего хозяина, готового утверждать, что не различающая цветов чихуахуа с мозгом величиной с фасолинку замечает перемену цвета в светофоре. Впрочем, моя теория ничего не стоит, разумеется. Кошки тоже не улыбаются, у них тоже нет лицевых мышц, но их можно фотографировать. Снимки великолепно отражают кошачьи самодовольство, хитрость, презрение. Может быть, фотографу не удастся «схватить» то единственное, что выражают собаки, – любовь.

Я все смотрел на фото.

– Славная была, видно, собачка, – сказал я наконец, возвращая снимок хозяйке. – Должно быть, совсем маленькая?

– Я могла носить Тако в кармане. Это не мы назвали ее Тако, а один человек в Калифорнии, ее первый хозяин, – сказала она, словно и сама понимала, что разглядеть собачку на фото не удастся, и думала, что, если бы это она дала ей имя, получилось бы по-другому: и имя, и собачка стали бы более настоящими. Словно в имени могло содержаться то, что не получалось на фотографии: все поведение собачки и то, что она значила для своей хозяйки.

Увы, имена ничего об этом не говорят. Я ведь сам дал имя своему Аберфану. Помощник ветеринара, услышав это имя, впечатал в компьютер «Абрахам».

«Возраст?» – спросил он спокойно, хотя ему вовсе не надо было вводить данные в компьютер, а следовало помогать ветеринару в операционной.

«Да вот же тут все перед вами, черт побери», – не выдержал я.

«Я не вижу, где тут Абрахам...» – упрямо тянул он.

«Аберфан, черт возьми! Аберфан!»

«Ага, вот где», – равнодушно проговорил помощник, найдя наконец данные.

Кэти, стоявшая за конторкой, подняла лицо от экрана компьютера. Упавшим голосом она произнесла: «У него была эта новая паравирусная инфекция и он выжил?»

«Да, он переболел новым вирусом, но он был жив, пока вы не попались ему на пути».

– У меня была австралийская овчарка, – поделился я с миссис Эмблер.

Тут в фургон вошел Джейк с пластмассовым ведерком в руках.

– Что же ты так долго? – спросила миссис Эмблер. – Кофе стынет.

– Надо уж отмыть как следует нашу старушку Винни. – Он всунул ведро в тесную раковину и стал энергично нажимать на насос. – Очень уж она запылилась в этих песках.

– Я рассказывала мистеру Маккоуму про Тако, – сказала жена. Она привстала и протянула мужу чашку: – Выпей, а то кофе совсем остынет.

– Минуточку, сейчас. – Он перестал работать насосом и вытащил ведро из раковины.

– У мистера Маккоума тоже была собака, – продолжала старушка, все еще протягивая чашку. – У него была австралийская овчарка. А я ему рассказала о нашей Тако.

– Это ему неинтересно. – Джейк с женой обменялись понимающими взглядами, на которые супруги бывают такие мастера. – Ты ему про «виннебаго» расскажи. Он ведь за этим приехал.

Джейк выбрался из фургона. Я завинтил колпачок и убрал телекамеру в футляр. Старушка повернулась к плитке, сняла крошечную кастрюльку, вылила в нее кофе. Я сказал:

– Кажется, я уже все отснял, что требовалось.

Она не обернулась.

– Он Тако никогда не любил. Даже не позволял ей спать с нами. Говорил, у него ноги затекают от этого. А ведь собачка была такая маленькая, ничего почти не весила.

Я отвинтил колпачок телекамеры.

– Знаете, что мы делали в тот день, когда она умерла? Пошли за покупками. Я не хотела оставлять ее одну, а Джейк сказал, что ничего с ней не делается. В тот день было градусов тридцать, он все таскал меня из магазина в магазин, а когда мы вернулись, собачка уже умерла. – Она поставила кастрюльку на плитку и зажгла горелку. – Ветеринар сказал, что это новый паравирус, но я-то знаю, что она умерла от сердца, бедняжка.

Я аккуратно поставил аппарат на пластмассовый столик, высчитав направление объектива.

– Когда умерла Тако? – спросил я, чтобы женщина обернулась.

– В девяносто шестом. – Она повернулась ко мне, и я почти беззвучно нажал на кнопку. Но лицо все-таки было, как полагается, на публику: извиняющаяся улыбка, чуть сконфуженно. – Ох, сколько уже времени прошло!

Я встал, собрал свои фотокамеры и вновь сказал:

– Кажется, я все уже заснял, что требовалось. А если нет, я еще раз подойду.

– Не забудьте свой чемоданчик. – Она подала мне айзенштадт. – А от чего умерла ваша собака? Тоже от этой инфекции?

– Мой пес умер пятнадцать лет тому назад. В две тысячи тринадцатом году.

Она кивнула понимающе.

– Это была третья волна.

Я выбрался наружу. Джейк стоял за машиной, под задними окнами, с ведром в руках.

Он перехватил его в левую руку, а правую протянул мне:

– Все сняли, что надо?

– Да. Ваша жена мне вроде все показала.

Я пожал ему руку.

– Приезжайте, если вам еще снимки понадобятся. – Его голос звучал, кажется, еще дружелюбнее, откровеннее, бодрее. – Мы с миссис Эмблер всегда рады помочь средствам информации.

– Ваша жена рассказала мне о собачке, которая у вас была. – Мне хотелось, собственно, посмотреть, как эти слова на него действуют.

– Да, жена все тоскует о собачонке, хотя уж столько лет прошло, – проговорил он с той же извиняющейся улыбкой, какую я уже видел у его жены. – Умерла от нововирусной инфекции. Я говорил, что надо сделать прививку, а жена все откладывала. – Он покачал головой. – Ну, это не ее вина, конечно. Вы ведь знаете, кто виноват в том, что эта инфекция распространилась, не так ли?

Это я знал. Виноваты были коммунисты; не важно, что и у них все собаки поумирали. Он бы на это ответил, что просто комми в конце концов не справились со своей химической волной, а вообще-то всем известно, что они собак терпеть не могут. А может быть, виноваты были японцы, хотя навряд ли, ведь старик постоянно имел дело с туристами. А может, демократы либо атеисты – что бы он ни сказал, это будет стопроцентно подлинное, точное выражение человека, который водит подлинную машину «виннебаго», – только мне не хотелось все это выслушивать. Я прошел к своей машине и бросил айзен на заднее сиденье.

– А вы знаете, кто на самом деле убил вашу собаку? – крикнул он мне вслед.

– Да. – Я залез в машину.

Я ехал домой, пробиваясь сквозь армаду красных автоцистерн-водовозов, которым наплевать было на автодорожные камеры, и думал о Тако. У моей бабушки была чихуахуа. Ее звали Пердита. Подлее собаки на свете не было. Вечно пряталась за дверьми, чтобы тяпнуть меня посильнее за ноги. И бабушку она тоже грызла. Какая-то у нее была болезнь – чего-то ей не хватало, и оттого она делалась все злее, если это было вообще возможно.

Ближе к концу она даже бабушку не терпела возле себя, а та никак не соглашалась усыпить ее и ласково заботилась о ней, хотя ничего, кроме злости, собака к бабушке не питала. Она и до сих пор портила бы ей жизнь, если бы не налетела новая волна вируса.

Интересно, какой на самом деле была Тако, эта удивительная собачка, которая умела якобы различать зеленый и красный цвета светофоров? Действительно ли она умерла от упадка сердечной деятельности? И каково было пережить это Эмблерам, которые теснились в своем фургончике (150 кубических футов) и упрекали друг друга, не понимая собственной вины?

Приехав домой, я сразу позвонил Рамирез и без предисловий, как обычно делала она, сказал:

– Мне нужно одно досье.

– Хорошо, что ты позвонил. Тебя вызывает Гуманное Общество. Послушай, а что, если назвать твою историю «виннебаго и виннибаги» и развить эту тему? Есть такое племя индейское. Кажется, в штате Миннесота... Да, а какого черта ты не на губернаторской конференции?

– Домой приехал. Что нужно Обществу?

– Они ничего не сказали. Потребовали твое расписание. Я сказала, что ты сейчас в Темпе у губернатора. А досье это с твоей историей связано?

– Да.

– Ну, так ты не говори, в чем дело, прежде чем начнешь писать. Нашей газете никак нельзя конфликтовать с Обществом.

– Нужно досье Кэтрин Поуэлл. – Я продиктовал фамилию по буквам.

Рамирез повторила фамилию и спросила:

– Это как-то связано с историей, которая Общества касается?

– Нет.

– А с чем? Я ведь должна как-то заполнить требование на получение этих сведений.

– Напиши, что это материал для фона.

– Фон для истории «виннебаго»?

– Да, фон для истории «виннебаго». А когда можно получить?

– Как выйдет. А когда ты объяснишь мне, почему не явился на губернаторскую конференцию? Да и в Тальесин не поехал. Господи Боже, придется мне звонить в «Республику» и просить поменяться телекадрами. Они, конечно, будут счастливы получить снимки вышедшей из употребления машины для отдыха. У тебя готовы фотографии? А зоопарк ты поснимал?

– Да. Я сделал видеофотографии, снимал телекамерой, снял виды и обстановку. Даже айзенем воспользовался.

– Так пришли все не откладывая, пока я буду наводить справки о твоей стародавней привязанности. Я не слишком многого прошу? Не знаю, сколько мне потребуется времени на поиски. Об Эмблерах я собирала материал два дня. Тебе все нужно – и фото, и документы?

– Нет, только резюме. И номер телефона.

Она опять отключилась, не попрощавшись. Если бы телефоны до сих пор изготавливались с трубками, Рамирез прославилась бы тем, что бросает трубку. Я отправил в газету по факсу видео– и телеснимки и фотографии, сделанные айзенштадтом, а затем вставил ролик кадров айзенштадта в проявитель. Мне все-таки было любопытно посмотреть, что этот аппарат наснимал, хоть он и норовит оставить меня без работы. По крайней мере в нем применялась высококачественная пленка, а не та дрянь, которую суют в видеокамеры. На композицию он, конечно, не способен и навряд ли может чередовать снимки спереди и сзади, но в некоторых условиях он, пожалуй, мог сделать такую фотографию, которая мне была бы не по силам.

В дверь позвонили. Я пошел открывать. На верхней ступеньке стоял худощавый молодой человек в гавайской рубашке и широких трусах, а внизу, на дороге, еще один – в форме Гуманного Общества.

– Мистер Маккоум? – Первый протянул руку. – Я Джим Хантер из Гуманного Общества.

Не знаю, о чем я думал. Не надеялся же я, что они не станут отслеживать мой звонок? Что позволят свободно ретироваться человеку, оставившему на шоссе мертвое животное?

– Я просто хотел заехать к вам и поблагодарить вас от имени Общества за то, что вы позвонили и сообщили о шакале. Можно мне войти?

Он улыбался – так открыто, дружелюбно, уверенно, словно полагал, что у меня хватит глупости сказать: «Не понимаю, о чем вы говорите» – и захлопнуть решетчатую дверь, за которую он держался.

– Просто исполнил свой долг, – улыбнулся я в ответ.

– Мы высоко ценим таких понимающих свою ответственность граждан, как вы. С такими нам гораздо легче работать. – Он вытащил из кармана рубашки сложенный листок-выписку. – Мне надо только кое-что проверить. Вы работаете репортером в «Сан», не так ли?

– Фотожурналистом.

– А машина «хитори», в которой вы ехали, принадлежит газете?

Я кивнул утвердительно.

– В ней есть телефон. Почему вы не воспользовались им? – Человек в форме нагнулся над «хитори».

– Я не сообразил, что в ней есть телефон. Газета только что приобрела эти машины. Я лишь второй раз ехал на ней.

Раз они знали, что газета поставила в «хитори» телефоны, значит, им было известно и то, что я сейчас сказал. Интересно, откуда они получили информацию. По общественным телефонам-автоматам можно было Свободно звонить, и разговоры по ним вроде бы не

записывались. Если они прочли номер моей машины на кадрах дорожной камеры, то узнать, кто на ней ехал, могли только от Рамирез, а если бы они с ней говорили, она вряд ли стала бы так весело заявлять, что ей ни к чему конфликты с Гуманным Обществом.

– Вы забыли, что в машине есть телефон, и потому поехали по... – он заглянул в свою выписку, и мне показалось, что он что-то отмечает, наверное, в кармане у него лежал магнитофон, – дороге 7-11 к углу улиц Макдауэлла и Сороковой и позвонили оттуда. А почему вы не дали дежурному Общества своего имени и адреса?

– Я торопился. Я должен был исполнить два поручения до полудня, второе в Скоттсдейле.

– Значит, поэтому вы и не оказали помощи животному, потому что торопились.

«Ах ты подлец!» – подумал я, а вслух сказал:

– Нет. Помощи я не оказал, потому что никакой помощи оказывать не надо было. Он... животное было мертво.

– А как вы убедились в этом, мистер Маккоум?

– У него сочилась кровь изо рта.

Тогда я счел добрым признаком, что больше нигде у него кровь не течет. Когда Аберфан попытался поднять голову, у него потекла изо рта маленькая струйка крови и капельки стали просачиваться в утопанный снег. И тут же перестала сочиться, даже прежде, чем мы внесли его в машину.

«Все в порядке, дружок мой, – сказал я ему. – Скоро приедем».

Кэти запустила машину, остановила, снова запустила и погнала ее туда, где можно было повернуть. Аберфан обмяк у меня на коленях, хвостом на коробке скоростей. «Не двигайся, дружок», – сказал я и провел рукой по его шее. Там было мокро. Я поднял руку и со страхом взглянул на ладонь. Но крови не было. Просто влага от растаявшего снега. Я обтер ему шею и голову рукавом свитера.

«Далеко ехать?» – спросила Кэти. Она крепко сжимала руль обеими руками, спина ее была напряжена. «Дворники» металась по стеклу машины, не успевая счищать густо валивший снег.

«Примерно пять миль. – Она нажала на педаль, ускорив ход, а потом, когда машина забуксовала, чуть сбавила скорость. – С правой стороны шоссе».

Аберфан поднял голову с моего колена и посмотрел на меня. Десны его посерели, он тяжело дышал, но кровь как будто больше не шла. Он попытался лизнуть мне руку.

«Ты справишься с этим, Аберфан. Ведь ты уже один раз справился, помнишь?»

– Так вы из машины не вышли и не подошли удостовериться, что животное мертво? – спросил Хантер.

– Нет.

– И вы не догадываетесь, кто мог сбить шакала? – Слова звучали как обвинение.

Он обернулся к человеку в форме, который обходил мою машину с другого бока.

– Фу, ну и жара, словно в печке! – Он встряхнул воротник рубашки. – Вы не позволите мне войти? – Это значило, что не следует мешать человеку в форме производить расследование. Пожалуйста, пускай обследует. Я ему мешать не буду. Чем скорее он обрызгает бампер и шины специальным составом, чтобы закрепить для обвинения следы шакальей крови, которых там не было, сложит смоченные листки в пакетики для улики и присоединит их к тем, которые уже наполняли карманы его формы, тем скорее они уберутся. Я открыл пошире решетчатую дверь.

– Ну прямо чудо! – сказал Хантер, все потряхивая воротник. – В этих старых глинобитных домах так прохладно. – Он оглядел комнату: проявитель, увеличитель, диван, фотографии на стенах. – Вам не приходит в голову, кто мог сбить шакала?

– Думаю, автоцистерна-водовоз. Кто же еще мог оказаться на Ван-Бюренском шоссе в эти утренние часы?

Я был почти уверен, что это был легковой автомобиль или маленький грузовик. Автоцистерна оставила бы от шакала мокрое место. Но у водителя водовоза разве что

заберут на время права и заставят пару недель возить воду в Санта-Фе вместо Финикса, а может быть, и без этого обойдется. У нас в редакции ходил слух, что Гуманное Общество в лапах Бюро водоснабжения. А вот если это была легковушка, то Общество конфискует машину, а водителя засадит в тюрьму.

– Все водовозы стараются поскорее проскочить мимо дорожных фотокамер. Этот, наверное, даже не заметил, что задавил зверя.

– Что? – переспросил он.

– Я сказал, что это скорее всего был грузовик. В часы пик больше никто не ездит по Ван-Бюренскому шоссе.

Я думал, что он скажет: «Кроме вас», – но он не сказал. Он даже не слушал, что я говорю.

– Это ваша собака? – спросил он, глядя на фото Пердиты.

– Нет. Это была собака моей бабушки.

– И какая она?

Противная была тварь. А когда умерла, бабушка плакала по ней, как ребенок.

Я сказал:

– Это была чихуахуа.

Он стал оглядывать другие стены.

– Это вы фотографировали всех этих собак? – Его манера изменилась. Он говорил вежливо, и я только теперь понял, как нагло он держался раньше. Шакалы, видимо, не только по мостовым бегают.

– Некоторых я снимал. А вот эту нет. – Он смотрел на соседнее фото.

– Это боксер, да? – Он показал пальцем.

– Английский бульдог.

– Ах вот как. Это их изничтожили за злобность?

– Нет, не их.

Он шел дальше, словно турист по музею, и остановился перед снимком, висевшим над проявителем.

– Ручаюсь, это тоже не вы снимали. – Он показал на туфли с высокими каблуками, старомодную шляпу на полной старой женщине, обнимавшей собак.

– Это фотография Беатрис Поттер, английской детской писательницы. Она написала «Кролик Питер».

Это его не интересовало.

– А какие у нее на руках собаки?

– Пекинесы.

– Замечательно сняты.

Они были сняты ужасно. Одна отвернулась от камеры, а другая мрачно сидит на руках у хозяйки и думает, как бы удрать. Совершенно ясно, что ни та, ни другая сниматься не хотели, хотя их приплюснутые мордочки и маленькие черные глазки ничего не выражают.

А вот Беатрис Поттер выглядит превосходно, несмотря на попытки улыбнуться для камеры и необходимость изо всех сил удерживать собак, а может быть, именно благодаря этому. Лицо выражает всю ее упрямую, своенравную любовь к этим упрямым, своенравным собачонкам. И несмотря на славу, которую принес ей «Кролик Питер», она так и не научилась, видно, делать «лицо для публики». Ее чувства выражались прямо и неприкрыто. Как у Кэти.

– А ваша собака есть тут? – спросил Хантер. Он остановился перед снимком Майши, висевшим над диваном.

– Нет.

– Как же это получилось, что у вас нет фотографии вашей собаки?

Я подумал: откуда же он знает, что у меня была собака, и что он еще знает?

– Мой пес не любил фотографироваться.

Он сложил свою выписку, засунул ее в карман и повернулся еще раз к фотографии

Пердиты:

– Похоже, славная была собачка.

Его спутник в форме ждал на крыльце, видимо, покончив с обследованием моей машины.

– Мы сообщим вам, если выясним, кто за это в ответе, – сказал Хантер, и представители Гуманного Общества удалились. Когда они выходили на улицу, человек в форме начал было рассказывать Хантеру, что ему удалось установить, но тот оборвал его. У подозреваемого полно снимков собак, значит, это не он сбил нынешним утром на Ван-Бюренском шоссе жалкое подобие этих животных. Дело можно считать законченным.

Я подошел к проявителю, запустил туда пленку из айзенштадта, скомандовал: «Позитивы, в порядке раз, два, три, пять секунд», – и стал смотреть, как снимки появляются на экранчике проявителя. Рамирез сказала, что айзенштадт, если его аккуратно поставить на ровную поверхность, автоматически снимает все кругом. Так оно и было. Аппарат снял несколько кадров по дороге в Темпе. Сделал два снимка «хитори» – должно быть, когда я поставил его и стал загружать машину, потом я увидел ее открытую дверцу на фоне больших кактусов-опунций, смазанный снимок пальм и домов, очень четкий кадр шоссе с мчащимися машинами и людьми. Хороший был кадр с красным водовозом, который задел шакала, и еще с десятков снимков юкк, возле которых я поставил машину у подножия холма.

Четко получились мои руки – это когда я ставил аппарат на кухонный столик внутри «виннебаго» – и несколько великолепных натюрмортов – пластмассовые чашки с ложечками. Дальше была только даром истраченная пленка: моя спина, открытая дверь душевой, спина Джейка и «лицо для публики» миссис Эмблер.

Вот только самый последний ее снимок... Она оказалась как раз перед айзенштадтом, глядя прямо в объектив. Она тогда говорила: «Когда я думаю, что бедняжка была совсем одна...» – и тут же повернулась, сделав «лицо для публики», но мгновением раньше, глядя на то, что она считала чемоданчиком, и отдавшись воспоминаниям, она была такой, какую я все утро пытался поймать своим объективом.

– Значит, ты был знаком с этой Кэтрин Поуэлл в Колорадо? – Рамирез, как всегда, заговорила без обращения, и тут же заработал бесшумный факс, печатая биографические сведения. – Я всегда подозревала, что у тебя на душе какая-то мрачная тайна. Это из-за нее ты переехал в Финикс?

Я следил за появившимися на листке бумаги словами. Кэтрин Поуэлл: 4628, улица Голландца, Узел Апачей. Сорок миль отсюда.

– Матерь Божья! Ты что же, детей совращал? По моим расчетам, ей было семнадцать лет, когда ты там жил.

Ей было шестнадцать.

«Это ваша собака?» – спросил ее ветеринар, и лицо его сморщилось от жалости, когда он увидел, как она молода.

«Нет, – сказала она. – Это я сбила ее».

«Боже мой, сколько же вам лет?»

«Шестнадцать. – Она говорила честно, открыто. – Я только что получила права».

– Так ты собираешься рассказать мне, какое отношение она имеет к «виннебаго»? – спросила Рамирез.

– В Финикс я переехал, потому что тут не бывает снега, – ответил я и выключился, не прощаясь.

Биографические сведения продолжали бесшумно печататься. Работала на автомобильном заводе «Хьюлетт-Паккард» штамповщицей. Уволена в 2008 году, возможно, в результате объединения предприятий. Разведена. Двое детей. Переехала в Аризону через пять лет после меня. Работает программистом в управлении автомобильной фирмы «Тошиба». Имеет водительские права, выданные в Аризоне.

Я вернулся к проявителю и всмотрелся в снимок миссис Эмблер. Я всегда говорил, что собаки не получают на фотографиях. Да, Тако не было ни на смазанных полароидных

фото, которые миссис Эмблер так старалась показать мне, ни в тех мелочах, о которых она старалась рассказать. Но собачка Тако ожила в чувствах боли, любви и сознания потери, что выражались на лице миссис Эмблер на этом снимке. Собачка появилась передо мной как живая – сидит рядом с водителем и нетерпеливо тявкает, когда загорается зеленый сигнал светофора.

Я вставил в айзен новую катушку и поехал к Кэти.

Ехать пришлось по Ван-Бюренскому шоссе: было уже около четырех часов дня, на разделенных трассах начинался час пик. Однако шакала уже убрали. Гуманное Общество действует расторопно. Как Гитлер со своими нацистами.

«Почему у вас нет снимков вашей собаки?» – спросил у меня Хантер. Естественно, что человек, у которого стены увешаны фотографиями собак, должен иметь и снимок своей собственной собаки, но дело было не в этом. Хантер уже знал про Аберфана, следовательно, он получил доступ к моему досье. Поскольку оно было закодировано, меня должны были известить, прежде чем разрешить кому-нибудь доступ к моим биографическим данным. Но для Гуманного Общества, видно, закон не писан. Не так давно Долорес Чивир, одна из знакомых мне по газете репортеров, пыталась опубликовать статью о нелегальных связях Общества с банками биографической информации, но не сумела собрать достаточно доказательств, чтобы убедить редактора. Не пригодился бы ей этот случай со мной?

В моей биографии Общество могло найти сведения об Аберфане, но не о том, как он умер. В те годы убийство собаки не считалось уголовным преступлением, а в суд на Кэти за невнимательность при вождении я не подавал, даже в полицию не заявлял.

«Я считаю, надо заявить в полицию, – сказал помощник ветеринара. – Осталось в живых меньше сотни собак. Нельзя же позволять людям давить их почем зря».

«Побойся ты Бога, ведь шел снег, машины заносило, – рассердился ветеринар. – Она же еще ребенок».

«Ну, она достаточно взрослая, чтобы получить права, – сказал я, глядя на Кэти, которая рылась в сумочке, отыскивая свое удостоверение. – Достаточно взрослая, чтобы ездить по дорогам».

Кэти нашла удостоверение и протянула его мне. Оно было совсем новенькое, даже блестело. Кэтрин Поуэлл. Две недели назад ей исполнилось шестнадцать лет.

«Это пса к жизни не вернет. – Ветеринар взял у меня права Кэти и вернул их ей: – Поезжайте домой».

«Мне надо занести ее имя в записи о происшествиях», – настаивал помощник.

Она вскинула голову и произнесла:

«Кэти Поуэлл».

«Оформлять будем позже», – решительно сказал ветеринар.

Но они так ничего и не оформили. На следующей неделе началась третья волна инфекции и, видимо, уже не было смысла что-то оформлять.

Подъехав к зоопарку, я притормозил возле стоянки. У Эмблеров дело прямо кипело. Вокруг старенькой «виннебаго» крутился с десятков ребятишек, и рядом стояло несколько машин.

– Куда ты, черт возьми, запропастился? – раздался голос Рамирез. – И где твои снимки? Я договорилась с редакцией «Республики» о том, что мы меняемся материалами, но они требуют права первой публикации. Мне нужны снимки сию минуту!

– Я пришлю их, как только буду дома. А сейчас я еду по делу.

– Черта с два по делу! Сейчас ты едешь к своей старой приятельнице. Эту поездку тебе газета не оплатит, не надейся.

– А ты раздобыла сведения об индейцах племени виннебаго? – спросил я.

– Да. Они жили когда-то в Висконсине, но больше их там нет. В середине семидесятых годов их насчитывалось еще около тысячи шестисот в резервации, а всего четыре с половиной тысячи, но к 2000 году осталось только человек пятьсот, а теперь вроде бы их уже не осталось, и неизвестно, что с ними случилось.

«Я могу тебе сказать, что», – подумал я. Почти все погибли в первую волну. В этом обвиняли правительство, японцев, озоновый слой: после второй волны Гуманное Общество издало всякие законы для защиты оставшихся в живых, но было уже слишком поздно, критический минимум сохранения популяции был перейден. А потом уж третья волна стерла с лица земли последних. Может, кто-то из них сидит еще где-нибудь в клетке, и, окажись я в тех местах, я бы его сфотографировал.

– Я послала запрос в Бюро по делам индейцев, – сказала Рамирез, – и они обещали еще связаться со мной, а тебе, как я вижу, на «виннебаго» наплевать. Ты только хотел сбить меня с толку и отвлечь. Чем ты занялся?

Я повернулся к щитку управления и хотел было выключиться, но Рамирез продолжала:

– Что с тобой творится, Дэвид? Два больших материала ты бросил, а теперь даже снимки не можешь прислать. Господи, если что-то у тебя не заладилось, ты ведь можешь поделиться со мной. Я готова помочь. Это как-то связано с Колорадо, признайся.

Я нашел кнопку и выключился.

Шоссе было заполнено машинами, которых становилось все больше с наступлением дневного часа пик. Дальше они разбегались по дорогам с разделителями. За поворотом Ван-Бюренского шоссе к бульвару Апачей сооружали новые полосы. С восточной стороны уже стояли бетонные формы, а на двух полосах из шести с моей стороны сооружали опалубку для новых форм.

Эмблеры, видно, пробрались мимо строителей дороги, хотя у них на это могло уйти недель шесть, стоит только посмотреть, в каком темпе дорожники работают, как они потеют и опираются на лопаты под жарким послеобеденным солнцем.

Шоссе на Месу еще было открытым, многополосным, но, как только я миновал город, вновь пошло строительство разделителей. На этом участке работы уже подходили к концу: с обеих сторон стояла готовая опалубка, и большая часть форм была уже залита бетоном. По этой дороге Эмблеры не могли приехать из Глоуба. Полосы тут такие узкие, что и «хитори» едва проходит, а ряды, предназначенные для автоцистерн, отгорожены. Шоссе Сьюперстишен все разделено, старая дорога из Рузвельта – тоже, так что никаким образом не могли они приехать из Глоуба. Непонятно, как они вообще могли проехать. Разве только по какой-нибудь многополосной дороге, в ряду для водовозов.

«Ах, Боже, чего мы только не насмотрелись», – говорила миссис Эмблер. Интересно, что они вообще могли видеть, мчась ночью по пустынной дороге, словно пара тушканчиков, стараясь, чтобы дорожные фотокамеры не зафиксировали их номер.

Рабочие еще не поставили новые дорожные знаки, я проскочил Узел Апачей и был вынужден проехать половину шоссе Сьюпириор, не имея возможности выбраться из своей узкой полосы, отгороженной бетонными стенками. Только на середине этого шоссе оказался разрыв, и я смог повернуть назад.

Кэти жила в поселке Сьюперстишен, сооруженном у самого подножия горы Сьюперстишен. Что я скажу Кэти, когда увижу ее? За те два часа, что мы провели вместе, я произнес не более десятка фраз, в основном кричал и командовал. В джипе, по дороге к ветеринару, я разговаривал с Аберфаном. А потом и вовсе не обращался к ней.

А может быть, я и не узнаю ее. Мне ведь запомнился только загорелый носик и поразительная открытость. Спустя пятнадцать лет и то, и другое могло измениться. Носиком давным-давно занялось, наверное, солнце Аризоны. Ну, и она вышла замуж, и развелась, и ее увольняли с работы, и мало ли что еще произошло с ней за эти пятнадцать лет, отчего лицо ее могло потерять прежнюю открытость. А тогда, собственно, незачем мне было тащиться в такую даль. Но на что уж непроницаемой маской было закрыто лицо миссис Эмблер, и все-таки оказалось возможным поймать ее врасплох. Если завести с Кэти разговор о собаках. И если она не будет знать, что ее фотографируют...

Кэти жила в доме с солнечным отоплением старого типа: с плоскими черными панелями на крыше. Дом выглядел прилично, но не был чересчур чистеньким. Трава вокруг не росла – водовозы не находили нужным заезжать в такую глушь, Узел Апачей был во всех

отношениях не так важен, как узлы Финикса и Темпе. Но все-таки перед домом был палисадник, выложенный плитами черной лавы и чередовавшимися с ними срезам опунции. Во дворике за домом росло чахлое деревце пало верде [дерево с зеленоватой корой на ветвях, в жаркое время года теряющее листву], к нему была привязана кошка, а под ним маленькая девочка играла с автомобильчиками. Я вытащил айзенштадт, подошел к двери дома и позвонил. В последнюю минуту, когда уже поздно было передумать и уйти – она уже открывала решетчатую дверь, – мне пришло в голову, что она может не узнать меня и мне придется объяснять ей, кто я такой.

Нос у нее не был загорелым, и она пополнела – в тридцать лет естественно весить больше, чем в шестнадцать, но в остальном она выглядела так же, как тогда, перед моим домом. И лицо ее еще не совсем замкнулось. Я сразу увидел, что она узнала меня и что она знала, что я приеду. Наверное, она сделала в своем досье указание, чтобы ей сообщили, если я стану разыскивать ее. Надо подумать, как это следует понимать.

Она приоткрыла решетчатую дверь, как я перед представителями Гуманного Общества, и спросила:

– Что вам нужно?

Я не видел ее раньше сердитой, даже тогда, когда напустился на нее у ветеринара.

– Я хотел повидаться с вами.

Я подумал было, что скажу, будто мне попалась ее фамилия, когда я работал над очерком, и захотелось узнать, не та ли это особа, с которой я когда-то встречался, или что я пишу о последних домах с солнечным отоплением старого типа. Но я произнес лишь:

– Сегодня утром я увидел на шоссе мертвого шакала.

– И подумали, что я убила его? – Она хотела закрыть дверь, но я придержал ее.

– Нет. – Я отнял руку от двери. – Нет, конечно, я этого не думаю. Можно мне войти? Я просто хочу поговорить с вами.

Маленькая девочка подошла к двери, держа игрушечные автомобильчики в подоле розовой маечки, и с любопытством смотрела на нас.

– Иди домой, Яна, – сказала Кэти и открыла решетчатую дверь пошире. Девочка проскользнула в эту щель. – Иди на кухню. Я тебе сделаю прохладительный напиток.

Кэти посмотрела на меня:

– Сколько раз мне снился кошмарный сон: я подхожу к двери и вижу вас перед собой.

– Тут на самом деле очень жарко, – проговорил я совсем как Хантер. – Можно мне войти?

Она открыла дверь настежь.

– Мне надо дать дочке попить. – Она пошла на кухню, а девчурка, приплясывая, бежала впереди.

– Какой ты хочешь напиток? – спросила дочку Кэти.

Та крикнула:

– Красный!

Кухонный столик стоял напротив плиты, холодильника и охладителя для воды, а дальше кухня немного расширялась, и в этом углублении стоял стол со стульями. Я положил айзен на стол и сел возле сам, чтобы она не предлагала перейти в другую комнату. Кэти сняла с одной из полок пластмассовый кувшин и подставила его под кран бака с водой. Яна запихнула свои автомобильчики в кухонный столик, залезла на него и, усевшись, стала открывать дверцы стенного шкафчика.

– Сколько лет вашей девочке?

Кэти, не ответив, достала из ящика возле плиты деревянную ложку, взяла кувшин, уже полный воды, и подошла к столу.

– Ну, ты нашла «Прохладу»? – спросила она дочку.

– Да, – ответила девочка. Но это была не «Прохлада», а какой-то розовый кубик, с которого она содрала пластмассовую обертку. Когда она бросила его в кувшин, вода зашипела и стала красной. Настоящая «Прохлада», должно быть, исчезла так же, как

отходили в прошлое фургоны «виннебаго» и дома с солнечным отоплением старого типа. Или изменилась до неузнаваемости. Как Гуманное Общество.

Кэти перелила красную жидкость в стаканчик, на котором был наклеен бумажный кит.

– Она у вас одна?

– Нет, есть еще мальчик. – Она отвечала как бы нехотя, хотя, раз я запросил ее биографию, мне все эти сведения уже были доступны. Яна спросила, можно ли взять булочку, и ушла с булочкой и стаканчиком во дворик. Я слышал, как затворилась решетчатая дверь.

Кэти поставила кувшин в холодильник и прислонилась к кухонному столику, скрестив руки на груди.

– Что вам надо?

Она стояла не в поле зрения айзенштадта, и лицо ее было в тени.

– Сегодня утром на шоссе я увидел мертвого шакала. – Я нарочно говорил негромко: чтобы расслышать, ей надо было наклониться вперед, к свету. – Его раздавило машиной, и он лежал так странно. Он был похож на собаку. Мне захотелось поговорить с кем-нибудь, кто помнит Аберфана, с кем-нибудь, кто знал его.

– Я его не знала. Я только убила его, помните? Так вот почему вы приехали, потому что я убила Аберфана, да?

Она не смотрела в сторону айзенштадта, даже не взглянула на него, когда я ставил его на стол, но мне вдруг показалось, что она знает, чего я добиваюсь. Она все еще держалась вне поля зрения аппарата. А если прямо сказать ей: «Да, это правда. Я это сделал, потому что вы убили его, а у меня не осталось его фотографий. Вы у меня в долгу. Я ведь уже не смогу получить фотографию Аберфана, но вы обязаны дать мне возможность сфотографировать ваше воспоминание о нем».

Но она ведь не помнила его, ничего не знала о нем, видела его только, когда мы ехали к ветеринару и Аберфан лежал у меня на коленях, смотрел на меня и уже умирал. Незачем мне было приезжать сюда и все это раскручивать заново. Совершенно незачем.

– Сначала я думала, что вы посадите меня в тюрьму, – сказала Кэти, – а потом, когда все собаки поумирали, – что вы убьете меня.

Стукнула наружная дверь, девочка сказала: «Я забыла автомобильчики» – и собрала их в подол маечки. Кэти мимоходом взъерошила ей волосы и опять скрестила руки.

– Я была не виновата. Я так и хотела сказать вам, когда вы придете убивать меня. Шел снег. Ваш пес выбежал прямо на меня. Я его даже не видела. Я потом прочла все, что могла достать, о том новом вирусе. Я готовилась защищаться. Я прочла про мутацию обычного паравируса, а еще раньше – вируса кошачьей чумы, узнала, что вирус мутировал так быстро, что специалисты не успели создать вакцину против него. А уже перед третьей волной возник критический минимум. И виноваты были владельцы последних оставшихся в живых собак, которые боялись позволить им размножаться. И когда ученые создали наконец вакцину, остались одни шакалы. Я бы вам сказала: «Вы не правы. Это вина владельцев собачьих питомников, разводивших щенят на продажу. Если бы они не держали щенят в антисанитарных условиях, первая вспышка инфекции не приняла бы такого размаха». Я приготовила все доводы для защиты. Но вы уехали из Колорадо.

Яна опять хлопнула дверью и принесла пустой стаканчик с наклеенным китом. Лицо ее было испачкано красным. «Еще хочу пить» (слова «еще хочу» слились в одно слово), она протянула стаканчик, держа его обеими руками, и Кэти открыла холодильник и налила девочке еще стакан напитка.

– Подожди, детка. Ты вся перемазалась. – Она нагнулась и вытерла личико девочки бумажным полотенцем.

Когда мы были у ветеринара, Кэти ни слова не сказала в свою защиту, ни «шел снег», ни «он выбежал прямо на меня», ни «я даже не видела его». Она сидела тогда молча передо мной и вертела свои рукавички, пока ветеринар не вышел и не сказал мне, что Аберфан умер. Тогда она проговорила: «Я не знала, что в Колорадо еще остались собаки. Я думала, они уже

все умерли».

Я тогда повернулся к ней, к шестнадцатилетней девочке, еще не научившейся даже скрывать свои чувства, и бросил безжалостно: «Теперь умерли все. Благодаря вам».

«Не надо так говорить», – предостерегающе заметил ветеринар. Он хотел положить мне руку на плечо, но я вывернулся и закричал на девочку: «Вы понимаете, что это значит – убить одну из последних собак на свете? Что вы чувствуете, сознаете ли, что отвечаете за исчезновение целого вида?»

Снова послышался стук решетчатой двери. Кэти смотрела на меня, не выпуская из рук бумажного полотенца, испачканного красным.

– Вы тогда уехали в другой город, и я подумала, что, может быть, вы простили меня, но вы ведь не простили? – Она подошла к столу и вытерла красный кружок из-под стакана. – Зачем вы это сделали? Чтобы наказать меня? Или вы решили, что последние пятнадцать лет я тем только и занималась, что ездила по дорогам и убивала животных?

– О чем вы?

– Общество уже было здесь.

– Общество? – Я ничего не понимал.

– Ну да. – Она все еще смотрела на испачканное красным полотенце. – Они сказали, что вы сообщили о задавленном животном на Ван-Бюренском шоссе. Они хотели знать, где я была сегодня утром между восемью и девятью часами.

На обратном пути в Финикс я чуть не задавил дорожного рабочего. Он едва успел отпрыгнуть к еще влажной цементной стенке, выронив лопату, на которую опирался весь день, а я ее переехал.

Итак, Общество уже побывало там. Уйдя из моего дома, они поехали прямо к ней. Но ведь тогда я еще не думал ехать к Кэти. Я еще не видел фотографии миссис Эмблер. Значит, уйдя от меня, представители Гуманного Общества сразу отправились к Рамирез, а Рамирез да и газета вообще очень не хотели вступать в конфликт с Обществом. Должно быть, Рамирез сказала им: «Мне показалось подозрительным, что он не поехал на губернаторскую конференцию, а вот теперь он позвонил и попросил биографические данные этой особы, Кэтрин Поуэлл. Живет в доме 4628 по улице Голландца. Он был знаком с ней в Колорадо».

– Рамирез! – крикнул я в автомобильный телефон. – Я хочу поговорить с тобой! – Ответа не было.

Я проехал добрых десять миль, не переставая ругать ее, пока наконец не сообразил, что у меня выключен телефон. Я отжал кнопку и рывкнул:

– Рамирез, куда ты запропала, черт побери?

– Я могла спросить у тебя то же самое. – Ее голос звучал еще более сердито, чем голос Кэти, хотя и не так сердито, как мой. – Ты же сам отключил меня и не хочешь сказать мне, что делается.

– А ты решила, что сама все можешь сообразить, и потом свои выдумки сообщила Гуманному Обществу.

– Что? – В голосе Рамирез было то же недоумение, что и в моем собственном, когда Кэти сказала мне, что к ней приезжали из Общества. Рамирез никому ничего не сообщала, она даже не понимала, о чем я говорю, но я уже так разогнался, что не мог остановиться и закричал на нее:

– Значит, ты сообщила Обществу, что я запрашивал биографические данные Кэти?

– Нет, ничего подобного. Слушай, не пора ли тебе рассказать мне, что происходит?

– К тебе приходили сегодня днем представители Общества?

– Нет. Я же сказала тебе. Они позвонили еще утром и хотели поговорить с тобой. Я сказала им, что ты уехал на губернаторскую конференцию.

– А больше не звонили?

– Нет. У тебя неприятности?

Я отключил телефон и сказал про себя: «Да, у меня неприятности».

Итак, Рамирез ничего им не говорила. Может быть, кто-нибудь в редакции газеты

сказал, но навряд ли. Остается утверждение Долорес Чивир, что Общество имеет нелегальный доступ к биографическим досье. «Как это вышло, что у вас нет снимков вашей собаки?» – спрашивал Хантер. Это значит, что они и мое досье прочли. И узнали таким образом, что я и Кэти жили в штате Колорадо, в одном и том же городе, когда погиб Аберфан.

– Что вы рассказали им? – спросил я у Кэти. Она стояла там в кухне и все вертела в руках испачканное полотенце, а мне хотелось вырвать его у нее из рук и заставить ее смотреть на меня. – Что же вы сказали этим людям из Общества?

Она подняла на меня глаза:

– Я сказала им, что сегодня утром была на дороге Индейской школы и собирала материалы по нашей фирме за этот месяц. К сожалению, я вполне могла бы проехать и по Ван-Бюренскому шоссе.

– Про Аберфана! Что вы рассказали им об Аберфане? – крикнул я.

Она спокойно отвечала:

– Я им ничего не говорила. Я подумала, вы сами все уже рассказали им.

Я схватил ее за плечи:

– Если они опять придут, ничего не говорите им. Даже если они вас арестуют. Я постараюсь, я...

Я так и не сказал, что сделаю, потому что сам не знал. Я выбежал из дома, столкнувшись в передней с Яной, которая шла за новой порцией прохладительного напитка, вскочил в машину и помчался домой, хотя не знал, за что взяться, когда приеду.

Позвонить в Общество и потребовать, чтобы они оставили Кэти в покое, сказать, что она никакого отношения к этому не имеет? Это будет еще подозрительнее, чем все, что я до сих пор делал, хотя и так уж подозрительнее некуда.

Я увидел на шоссе мертвого шакала (по крайней мере так я заявил) и, вместо того чтобы сразу сообщить об этом по телефону, находящемуся в моей машине, поехал к телефону возле магазина за две мили оттуда. Я позвонил в Общество, но отказался сообщить свое имя и номер. И потом я самовольно отказался от двух заранее намеченных служебных поездок и запросил биографические данные некоей Кэтрин Поуэлл, с которой был знаком пятнадцать лет назад и которая могла бы проезжать по Ван-Бюренскому шоссе в то время, когда произошел этот несчастный случай.

Связь была очевидна. А потом им нетрудно было бы установить, что пятнадцать лет назад – это как раз то время, когда погиб Аберфан.

Шоссе Апачей заполняла масса легковых машин – это был час пик – и целое полчище водовозов. Легковушки, видно, привыкли мчаться по шоссе с разделителями, они даже и не думали сигналить, что переходят в другой ряд. Вроде бы они и представления не имели, что такое полоса на дороге. На повороте от Темпе к Ван-Бюрену скопилась беспорядочная масса автомобилей. Я перебрался на полосу автоцистерн.

В моем досье фамилия ветеринара не упоминалась. Тогда досье только входили в употребление, и много было волнений по поводу связанного с ними нарушения прав личности на конфиденциальность. В досье ничего не включали без разрешения самого лица, ни в коем случае не вводили медицинских, банковских данных, так что тогда это были лишь немного расширенные анкеты: происхождение, семейное положение, занятие, хобби, домашние животные. В моем досье рядом с именем Аберфана ничего не стояло, кроме даты его смерти, да еще был указан мой адрес в то время. Но, пожалуй, этого было довольно: в городе было всего два ветеринара.

Ветеринар не внес тогда имени Кэти в запись об Аберфане. Он вернул ей права, даже не взглянув на них, но Кэти назвала свою фамилию помощнику, и тот мог записать ее. Выяснить это я теперь никак не мог. Я не мог запросить досье ветеринара, потому что Гуманное Общество все равно добралось бы до него раньше меня. Редакция газеты, наверное, могла бы добыть для меня это досье, но для этого надо было бы рассказать все Рамирез, а телефон газеты, весьма вероятно, прослушивался. Если же я приеду в редакцию,

Рамирез заберет у меня машину. Нельзя мне туда являться.

Как бы то ни было, я гнал, как мог. Когда шедший впереди меня водовоз снизил скорость до девяноста миль в час, я чуть не врезался в него. Я даже не заметил, как промчался мимо того места, где был сбит шакал. Да там скорее всего не на что было смотреть, даже не будь этого потока мчащихся машин. Если Общество и не убрало какие-нибудь следы происшествия, движение по шоссе смело все. Да и не было там ничего, иначе дорожные фотокамеры зафиксировали бы номер машины, наехавшей на шакала, и Обществу незачем было бы посылать своих представителей ко мне. И к Кэти.

Общество не могло обвинить ее в смерти Аберфана – в то время убийство животных не считалось преступлением, но если они разузнают про Аберфана, то могут обвинить ее в смерти шакала, и тогда – пусть хоть сотня свидетелей видела ее на дороге Индейской школы, пусть хоть сотня дорожных автокамер отметила там ее машину, на которой и в помине нет никаких отпечатков, – ничто ее не спасет. Ведь она убила одну из последних собак, не так ли? И Общество расправится с ней.

Не следовало мне оставлять Кэти. Я сказал ей: «Не говорите им ничего», – но она ведь не боялась признать свою вину. Когда у ветеринара ее спросили, что случилось, она просто сказала: «Я сбила его». Так и сказала, не пытаясь оправдаться, объяснить, свалить вину на кого-нибудь.

Я спешил, чтобы найти способ помешать Обществу узнать, что Кэти сбила Аберфана. А вдруг представители Общества опять явились к ней и выпытывают, как она познакомилась со мной в Колорадо и как умер Аберфан.

Однако я ошибся. Они явились не к Кэти, а ко мне. Стояли на крыльце, ждали, чтобы я впустил их в дом.

– Нелегко вас поймать, – сказал Хантер, а человек в форме ухмыльнулся: – Куда вы ездили?

– Извините, – сказал я, вытаскивая ключи из кармана. – Я думал, что наш с вами разговор закончен. Я сообщил все, что знаю об этом случае.

Хантер отступил немного, так что я смог открыть решетчатую дверь и всунуть ключ в замок:

– Нам с офицером Сегурой надо задать вам еще несколько вопросов.

– Куда вы ездили сегодня днем? – спросил Сегура.

– Навестить кое-кого из старых знакомых.

– Кого?

– погоди ты, – оборвал его Хантер. – Дай человеку в дом войти, а потом уж будешь приставать с вопросами.

Я отпер дверь:

– А что, дорожные камеры засняли тот грузовик, который раздавил шакала?

– Грузовик?

– Я ведь говорил вам, что, по-моему, это была автоцистерна-водовоз. Шакал лежал на их полосе. – Я первым вошел в комнату, положил ключи на компьютер и отключил телефон. Мне только не хватало, чтобы Рамирез ворвалась со своим «Что случилось? Может, у тебя неприятности?».

– А может быть, его сбил какой-нибудь кретин, уж он-то не стал бы останавливаться. – Я знаком пригласил их сесть.

Хантер сел, а Сегура подошел к дивану, но остановился, увидев фотографии, висевшие над ним.

– Господи, сколько же тут собак! Это все вы снимали?

– Некоторых я. Вот эта в середине – Майша.

– Последняя собака?

– Да, она.

– Без обмана? Самая, самая последняя?

Без обмана. Ее держали в карантине в исследовательском отделении Общества, в

Сент-Луисе, когда я увидел ее. Я уговорил их позволить мне сфотографировать ее, но снимать пришлось снаружи, через натянутое проволочной сеткой окошко в двери, и правильная фокусировка была невозможна. Впрочем, если бы меня и пустили внутрь, лучше бы не получилось. У Майши не осталось никакого выражения, нечего было снимать. Она к тому времени уже неделю ничего не ела и все время, что я пробыл там, лежала на полу, уткнувшись головой в лапы и глядя на дверь.

– Вы не согласились бы продать этот снимок Обществу?

– Нет, не согласился бы.

Они понимающе кивнули: «Верно, здорово тогда все расстроились, когда она умерла?»

Расстроились! Да, тогда люди ополчились на всех, кто хоть какое-нибудь отношение имел к собакам: на владельцев питомников, на ученых, которые не сумели вовремя придумать вакцину, на ветеринара, который лечил Майшу, и еще на всяких людей, которые ее не лечили. Народ передал тогда все права кучке шакалов, которые могли хватать кого хотели, потому что все чувствовали себя виноватыми. Расстроились!

– А это что за пес? – спросил Сегура, перешедший уже к другой фотографии.

– Это Вилли, бультерьер генерала Паттона.

Кормили Майшу и убирали за ней роботы, такие же, что применяются на атомных станциях. Хозяйке ее, усталой женщине, разрешали смотреть на собаку через натянутое металлической сеткой окошко, но сбоку, потому что Майша, увидев ее, бросалась с лаем на дверь.

– Вы должны добиться, чтобы вас пустили, – втолковывал я этой женщине. – Ведь жестоко держать ее тут взаперти. Вы должны потребовать, чтобы вам позволили забрать ее домой.

– Чтобы она подхватила этот проклятый вирус?

Майше уже не от кого было заразиться, но я не стал объяснять это. Я устанавливал выдержку фотоаппарата, стараясь сам не попасть в поле зрения несчастного животного.

– Вы знаете, отчего они все поумирали? – спросила женщина. – Это озоновый слой, вернее, дыры в нем. Через них проникла радиация и убила собак.

– Коммунисты тому причиной, мексиканцы, правительство. Только те, кто признавал свою вину, на самом деле ни в чем не были виноваты.

– А вот этот немного похож на шакала, – сказал Сегура, глядя на снимок немецкой овчарки, который я сделал уже после смерти Аберфана. – Собаки ведь были очень похожи на шакалов, правда?

– Нет. – Я присел на полку, перед экранчиком проявителя, напротив Хантера. – Я уже рассказал вам все, что знаю о шакале. Я увидел, что он лежит на дороге, и позвонил вам.

– Вы сказали, что, когда увидели шакала, он лежал в крайнем ряду справа, – заметил Хантер.

– Правильно.

– А вы ехали в крайнем левом ряду?

– Да, я был в крайнем ряду слева.

Они собираются заново расспрашивать меня, пункт за пунктом, и если я собьюсь, станут спрашивать: «А вы уверены, мистер Маккоум, что видели это? А вы уверены, что не видели, как сбили шакала? А его сбила Кэтрин Поуэлл, не правда ли?»

– Сегодня утром вы сообщили нам, что остановились, но шакал был уже мертв. Так? – спросил Хантер.

– Нет.

Сегура поднял голову. Хантер незаметно поднес руку к карману, потом положил ее на колено – включил записывающий аппарат.

– Я проехал дальше, не останавливаясь, около мили. Потом дал задний ход и взгляделся в него. Но он был уже мертв. Из рта у него сочилась кровь.

Хантер ничего не отвечал. Он держал руки на коленях и ждал – старый прием журналистов: если выдержать достаточно долгую паузу, собеседник скажет то, чего не

собирался говорить, – лишь бы нарушить тишину.

Я продолжал в том же тоне:

– Тело шакала лежало под углом. В этой странной позе он казался не шакалом, а собакой. – Я некоторое время помолчал, а потом проговорил: – Это вызвало у меня тяжелые воспоминания. Я даже не думал ни о чем. Мне просто хотелось поскорее уйти от этого зрелища. Через несколько минут я вспомнил, что надо известить Общество, тогда я и остановился на дороге семь-одиннадцать.

Я опять замолчал. Сегура забеспокоился наконец и стал бросать вопросительные взгляды на Хантера. Надо было продолжать.

– Я подумал, что это ничего, что я смогу работать, но, когда приехал на место первого своего задания, понял, что ничего не получается, и вернулся домой. – Искренность, открытость. Вон как у Эмблеров это здорово получается. И ты сможешь не хуже. – Я был, должно быть, в шоке. Даже не позвонил своей начальнице, чтобы она послала кого-нибудь другого на губернаторскую конференцию. Единственное, что мне пришло в голову, – я остановился и потер лоб рукой, – надо с кем-то поговорить. Я попросил газету найти адрес моей старой знакомой Кэтрин Поуэлл.

Я опять остановился и решил, что хватит. Я уже и так сознался, что солгал им, и признался в двух преступлениях: уехал с места происшествия и прибегнул к помощи газеты для получения досье, нужного мне лично. Авось они этим удовлетворятся. Сначала я не хотел говорить им, что поехал к Кэти. Они поняли бы, что она рассказала мне про их приезд, и решили бы, что мой рассказ – это попытка оправдать ее. Но может, они следили за ее домом и знали уже, что я там побывал, так что нечего и стараться.

Молчание затянулось. Руки Хантера зашевелились на коленях и опять легли неподвижно. Из моего рассказа было неясно, почему я выбрал собеседницей Кэти, с которой пятнадцать лет не виделся, которую знал еще в Колорадо, но, может быть, они не догадаются, в чем тут дело.

– Эта Кэтрин Поуэлл, – спросил Хантер, – вы с ней были знакомы в Колорадо, не так ли?

– Мы жили в одном маленьком городке.

Опять пауза.

– Это не тогда умер ваш пес? – брякнул вдруг Сегура; Хантер бросил на него яростный взгляд, а я подумал, что в кармане рубашки у него не магнитофон, а копия записей ветеринара, где упоминается Кэти.

– Да, – сказал я. – Он умер в сентябре девяносто восьмого года.

Сегура раскрыл было рот, но, прежде чем он успел заговорить, Хантер спросил:

– Его третьей волной захватило?

– Нет. Его сбило машиной. Оба приняли искренне потрясенный вид. Эмблерам можно было поучиться у них.

– И кто же его сбил? – спросил Сегура, а Хантер наклонился вперед, и рука его механически скользнула к карману.

– Не знаю. Кто-то сбил и сразу уехал. Бросил его на дороге. Вот почему, когда я увидел шакала... Вот как я познакомился с Кэтрин Поуэлл. Она остановилась и помогла мне. Помогла внести моего пса к ней в машину, и мы довезли его до ветеринара, но было уже поздно.

Маска «на публику» на лице Хантера сидела плотно, не то что у Сегуры, чье лицо выражало одновременно удивление, догадку и разочарование.

– Вот почему мне захотелось повидаться с ней, – добавил я, сам не зная зачем.

– А в какой день была сбита ваша собака? – спросил Хантер.

– Тридцатого сентября.

– А как звали ветеринара?

Он задавал вопросы все в том же тоне, но на ответы не обращал внимания. Ему ведь показалось, что он сумел связать все ниточки, поймал меня на попытке выкрутиться, а

оказалось, что он имел дело просто с людьми, любящими собак, и все его предположения лопнули. От этого допроса больше нечего было ждать, он уже заканчивал его. Только бы не расслабиться раньше времени.

Я нахмурился:

– Не помню. Кажется, Купер.

– А какая машина сбила вашу собаку?

– Не знаю. – В мозгу стучало: не джип. Что угодно, только не джип. – Я не видел, как его сбили. Ветеринар сказал, что, наверное, машина была большая, может быть, пикап. Или «виннебаго».

И тут я понял, кто сбил шакала. Все встало на свои места: старик, не пожалевший воды из своего сорокагаллонного бака, чтобы отмыть бампер, вранье о том, что они прибыли из Глоуба... Но сейчас мне надо было сосредоточиться на том, чтобы не дать им догадаться о Кэти и о том, как я хотел увидеть в ее глазах образ Аберфана. Похоже было на ту проклятую инфекцию. В одном месте с ней разделились, так она вспыхнула в другом.

– А следов от колес не было, по которым можно было бы узнать? – спросил Хантер.

– Что? Нет. В тот день шел снег. – Что-то отразилось, должно быть, на моем лице, он ведь с меня глаз не спускал. Я провел рукой по лицу: – Извините. Эти вопросы заставляют меня пережить все опять.

– Простите, – сказал Хантер.

– Может быть, мы найдем все сведения в полицейском отчете? – заметил Сегура.

– Полицейского отчета не было. В то время, когда погиб Аберфан, убить собаку не считалось преступлением.

Это и следовало сказать. Теперь их потрясение было искренним, и они смотрели с недоверием друг на друга, а не на меня. Потом задали еще несколько вопросов и встали. Я проводил их до выхода.

– Благодарим вас за содействие, мистер Маккоум, – произнес Хантер. – Мы понимаем, что вам пришлось пережить.

Я закрыл решетчатую дверь. Да, конечно, Эмблеры старались ехать побыстрее, чтобы камеры их не засекли. Им вообще не полагалось ехать по Ван-Бюренскому шоссе. Это было незадолго до часа пик, а они катили по полосе водовозов и, конечно, шакала заметили только тогда, когда уже сбили его и поздно было что-то делать. Они знали, что за сбитое животное им грозит тюрьма и конфискация машины, а на шоссе тогда никого, кроме них, не было.

– Простите, я забыл еще спросить, – обернулся Хантер с дорожки. – Вы сказали, что сегодня утром ехали по заданию редакции. А какому?

Помни: выражай простодушную искренность.

– Это возле старого зоопарка. Какое-то зрелищное предприятие по соседству.

Я смотрел им вслед, пока они шли к машине, садились в нее, ехали по улице. Потом запер решетчатую дверь, захлопнул внутреннюю и запер ее тоже. У меня перед глазами стояли хорек, который обнюхивал колесо и бампер, Джейк, тревожно следивший за дорогой. Я-то думал, что он высматривает возможных зрителей, а на самом деле он боялся, что приедут представители Гуманного Общества. «Ему это неинтересно», – отозвался он, когда жена сказала ему, что вспоминала их Тако в разговоре со мной. А на самом деле он слушал весь наш с ней разговор, стоя у заднего окошка со своим преступным ведерком, готовый в любую минуту вмешаться, если она скажет что-то лишнее. А до меня тогда ничего не доходило. Даже глядя в объектив, я ничего не замечал, потому что в мыслях у меня был только Аберфан. А что могло оправдать их? Кэти даже не пыталась сказать, что не успела увидеть собаку на дороге, а ведь она только еще училась водить машину.

Я достал свой фотоаппарат и выдернул из него пленку. Со снимками из айзенштадта и телекамеры уже ничего нельзя было сделать, но на них ничего вроде и не было. К тому времени, как я начал телесъемку, Джейк уже вымыл бампер.

Я опустил телепленку в проявитель и скомандовал: «Позитивы, в порядке раз-два-три, пятнадцать секунд» – и стал ждать появления снимка на экране.

Интересно, кто вел тогда машину. Наверное, Джейк. «Он не любил Тако, – сказала миссис Эмблер, и в голосе ее звучала явная горечь. – Я не хотела покупать »виннебаго".

Права отберут у них обоих, не важно, кто вел машину, и Общество конфискует «виннебаго». В тюрьму, пожалуй, этих двух восьмидесятилетних представителей американского прошлого не посадят. Да и необходимости в этом не будет. Суд отнимет шесть месяцев, а к тому времени и в Техасе примут, наверное, закон, запрещающий ездить в машинах для отдыха.

На экране появился первый снимок: дерево окотило [большую часть года ветви этого дерева похожи на вязанку хвороста, но ранней весной они покрываются листьями и ярко-красными, как огоньки, цветками], освещенное солнцем. Даже если все теперь кончится для Эмблеров благополучно, если «виннебаго» не конфискуют ни за проезд по запретной полосе водовозов, ни за отсутствие каких-нибудь необходимых бумаг, все равно супругам останется не больше шести месяцев. В Юте вот-вот примут закон об оснащении всех дорог разделителями, а затем на очереди Аризона. Как ни лениво работают дорожники, к тому времени как судебное разбирательство закончится, разделители будут установлены на всех шоссе вокруг Финикса, и Эмблеры никуда выехать не смогут. Останутся запертыми здесь навсегда. Постоянными обитателями зоопарка. Как койоты.

Теперь на экране была вывеска зоопарка, полускрытая кустами. Потом воздушный шарик с рекламой Эмблеров. Потом «виннебаго» на стоянке. Я скомандовал:

– Стоп! Дальше по частям, – и показал пальцем эти места. – Увеличить до предела!

Телекамера снимает обширные виды с резкой контрастностью и прекрасной плотностью деталей. Экран проявителя имел только пятисоттысячное увеличение, но темное пятно на бампере было достаточно заметно. На отпечатке оно станет гораздо более четким. Можно будет разглядеть брызги крови, серо-желтые волоски. Компьютеры Гуманного Общества, возможно, сумеют даже определить, чья это кровь.

– Дальше, – скомандовал я, и на экране появился следующий снимок. «Виннебаго» и вход в зоопарк. Джейк за отмыванием бампера. Следы преступления налицо.

Хантер, возможно, и поверил моему рассказу, да больше ему и некого подозревать, но что, если он вскоре надумает задать Кэти еще несколько вопросов? Если бы он увидел, что виноваты Эмблеры, то оставил бы ее в покое.

Японская семья около бака для грязной воды. Рядышком с картинками-символами разных штатов. Миссис Эмблер в узком кухонном проходе, возле гробоподобной душевой, готовит кофе.

Неудивительно, что на снимке, сделанном айзенштадтом, ее лицо выражало воспоминания, и горе, и чувство утраты. Возможно, в то мгновение, когда они наезжали на зверя, ей он тоже показался похожим на собаку.

Стоит мне сказать Хантеру об Эмблерах, и Кэти уже на крючок к ним не попадет. Это было бы нетрудно. Мне приходилось так делать.

– Стоп! – сказал я, когда на экране появились солонки и перечницы. На черных глиняных собачках были нарисованы красные банты, и языки у них тоже были красные. – Экспонировать! Один на двадцать четыре.

На экране загорелись вопросительные знаки, и прибор запищал. Следовало догадаться. Проявитель мог выполнять много различных команд, но приказ экспонировать вполне добротную пленку противоречил всему, что было закреплено в его памяти, а мне некогда было постепенно внушать, что я командую всерьез.

– Выбросить! – Глиняные фигурки на экране померкли. Из проявителя выскочила пленка, свернутая роликом и засунутая в защитную оболочку.

В дверь позвонили. Я включил верхний свет, раскрутил пленку и поместил ее прямо под лампу. Я ведь сказал Хантеру, что Аберфана сбила, возможно, машина для отдыха, а он, уходя уже, спросил, словно это ему только что пришло в голову: «А что у вас было за первое поручение?» Уйдя от меня, он отправился, может быть, проверить, что за уличное зрелище я имел в виду, нашел миссис Эмблер и заставил ее во всем признаться. Но неужели он успел

обернуться? Наверное, он позвонил Рамирез. Хорошо, что я запер двери.

Я выключил верхний свет, свернул пленку в ролик, засунул его опять в проявитель и отдал понятную для него команду: «Марганцовая ванна, концентрированный раствор, один на двадцать четыре. Стопроцентную эмульсию удалить. Оповещать не надо».

Экран потускнел. Потребуется не меньше четверти часа, чтобы пленка прошла через отбеливатель, а компьютеры Общества, кто их знает, из чистого воздуха и нескольких кристаллов серебра могут восстановить снимки, но уже без деталей. Я пошел отпираться дверь.

У порога стояла Кэти.

Она протянула мне айзенштадт.

– Вы забыли свой чемоданчик.

Я взглянул, недоумевая. Я его даже не хватился. Должно быть, оставил на кухонном столе, когда выскочил из дома Кэти, сбивая с ног маленьких девочек и давя дорожных рабочих. Я спешил придумать что-нибудь, чтобы Кэти не впутали в это дело. А теперь она здесь, и Хантер может вернуться в любую минуту и спросить: «А вы делали снимки, выполняя первое поручение?»

– Это не чемоданчик, – сказал я.

– Я хотела объяснить. – Она замешкалась. – Мне не следовало обвинять вас в том, что вы сказали Обществу, будто я убила шакала. Не знаю, зачем вы приходили сегодня ко мне, но я уверена, что вы не способны на...

– Вы еще не знаете, на что я способен. – Я приоткрыл дверь так, чтобы айзенштадт пролез в щель. – Спасибо, что привезли его. Я попрошу газету возместить вам дорожные расходы.

«Уезжай скорее! Уезжай! Если представители Общества вернутся и застанут тебя здесь, они станут спрашивать, как ты со мной познакомилась, а я только что уничтожил пленку, которая позволяла свалить вину на Эмблеров». Я взялся за ручку айзенштадта и хотел закрыть дверь.

Она не отпускала айзенштадт. В сумерках рядом с решетчатой дверью ее лицо не поддавалось фокусировке. Как у Майши за окном.

– У вас неприятности?

– Нет. Послушайте, я очень занят.

– Зачем вы приезжали ко мне? Разве вы убили шакала?

– Нет, – сказал я, открыл дверь и пустил ее в дом.

Я подошел к проявителю и затребовал показание видимости на данный момент. Пока шел только шестой кадр.

– Уничтожаю доказательства, – пояснил я Кэти. – Сегодня утром я, сам об этом не зная, сфотографировал машину, которая сбила шакала, и лишь полчаса назад понял, чья это вина. – Я показал Кэти на диван и жестом пригласил ее сесть. – Им под восемьдесят. Они ехали по тому шоссе, где им не полагалось ехать, в устаревшей машине – фургоне для отдыха, – волновались из-за дорожных фотокамер и из-за автоцистерн. Они никак не могли вовремя увидеть животное и остановиться. Но Обществу все это, конечно, безразлично. Им бы только найти виноватого, все равно кого, хотя погибших это не спасает.

Она поставила свою полотняную сумку и айзенштадт на стол возле дивана. Я продолжал:

– Когда я вернулся домой, меня ждали здесь представители Общества. Они выяснили, что мы с вами были в Колорадо, когда Аберфан умер. Я сказал им, что какая-то машина сбила его и умчалась, а вы остановились помочь мне. У них были записи ветеринара, в которых стояло ваше имя.

Я не мог ничего прочесть на ее лице.

– Если они опять придут, подтвердите, что вы подвезли меня к ветеринару.

Я подошел к проявителю. Телепленка была вся смыта. Я скомандовал: «Выбросить!» – и проявитель выплюнул ее мне в руки. Я вставил ее в кассету для повторной намотки.

– Маккоум! Опять ты запропал, черт тебя возьми! – Голос Рамирез прозвучал так

громко, что я вскочил и бросился к дверям, но ее там не было. Телефон прямо разрывался, и над ним вспыхнула надпись: «Маккоум! Это важно!»

Рамирез говорила по телефону, используя какой-то усилитель. Я даже не знал, что такие существуют. Я переключил свой аппарат на обычный прием. Надпись погасла.

– Я здесь. Слушаю.

– Не поверишь, что сейчас случилось! – Голос у нее был разъяренный. – Только что сюда ворвались два террориста из Гуманного Общества и конфисковали материал, который ты прислал мне!

Я послал ей только пленку телесъемки и кадры из айзенштадта. Там вроде бы ничего лишнего не было. Это были снимки, которые я делал уже после того, как Джейк вымыл передний бампер.

– Какой материал?

– Оттиски из айзенштадта! – Она все еще кричала. – Я на них даже взглянуть не успела, потому что спешила договориться о получении взамен сведений о губернаторской конференции, на которой ты не был, да еще тебя пыталась разыскать! Я заказала оттиски на плотной бумаге, а оригиналы послала прямо к редактору, чтобы подобрать их и разместить вместе с твоими телеснимками. Я получила оттиски полчаса назад и только начала разбирать, как налетели эти бандиты из Общества и прямо вырвали их у меня. Без объяснений, без извинений. Просто вырвали из рук.словно шайка...

– Шакалов, – договорил я. – А ты уверена, что они не взяли телеснимки?

На снимках айзенштадта была только миссис Эмблер и Тако, даже Хантер не мог бы тут ни к чему придраться.

– Конечно, уверена. – Голос Рамирез отлетал от стен. – Это были отпечатки снимков из айзенштадта. А телеснимков я даже не видела. Я сразу отправила их редактору, я же сказала.

Я подошел к проявителю и включил катушку. На первых десяти кадрах ничего не было, снимки получились, когда аппарат лежал на заднем сиденье машины. «Начать с десятого кадра! – отдал я команду. – Позитивы. Раз, два, три. Пять секунд».

– Что ты сказал? – переспросила Рамирез.

– Я спросил, они объяснили, что ищут?

– Ты что, не понимаешь? Они меня словно не видели. Схватили пачку фотографий и стали их просматривать за моим столом.

Вот кадр – юбка у подножия холма. Другой – опять юбка. Мое плечо, когда я ставил айзенштадт на кухонный столик в фургоне. Моя спина.

– Уж не знаю, что они искали, но то, что им было нужно, нашли, – сказала Рамирез.

Я посмотрел на Кэти. Она встретила мой взгляд спокойно, без страха. Страх в ней не было – ни тогда, когда я орал, что она убила одну из последних собак, ни тогда, когда спустя пятнадцать лет я вдруг оказался в дверях ее дома.

– Человек в форме показал этот снимок другому, – продолжала Рамирез, – и сказал: «Вы ошиблись насчет женщины. Это не она. Посмотрите».

– А ты этот снимок видела?

На экране появился натюрморт с чашками. Потом плечо миссис Эмблер. Потом ее спина.

– Я пыталась разглядеть. Там был какой-то грузовик.

– Грузовик? Ты уверена? Не «виннебаго»?

– Грузовик. Что же там происходит, черт побери?

Я не отвечал. На экране появилась спина Джейка. Открытая дверь душевой. Еще натюрморт: бачок для грязной воды. Фото миссис Эмблер, вспоминающей Тако.

– О какой они женщине говорили? – спросила Рамирез. – Не о той ли, чье досье ты заказывал?

– Нет.

Пленка кончилась снимком миссис Эмблер. Проявитель вернулся к ее началу. Нижняя часть моей машины. Ее открытая дверца. Большой кактус.

– Они еще что-нибудь сказали?
– Тот, что в форме, показал что-то на снимке и сказал: «Смотрите. Вот и номер на боку. Сможете разобрать его?»

На экране неясно вырисовывались пальмы и шоссе. Цистерна-водовоз, задевшая шакала.

Я скомандовал: «Стоп!» Изображение замерло.

– Что такое? – спросила Рамирез.

Это был замечательный снимок: задние колеса проезжали по тому, что раньше было задними ногами шакала. Конечно, шакал умер раньше, но снято было под таким углом, что это нельзя было определить, и не видно было, что струйка крови у его рта уже засыхает. Номер грузовика-водовоза тоже нельзя было разглядеть из-за скорости, с которой он мчался, но номер был, и компьютеры Общества его должны определить. Похоже, этот водовоз влип-таки.

– А что они сделали с этим снимком?

– Понесли в кабинет к директору. Я хотела затребовать назад оригиналы, но директор уже послала за ними и за телеснимками. Тогда я попыталась связаться с тобой, но не могла пробиться сквозь твою выключку.

– Они что, до сих пор разговаривают с директором?

– Только что ушли. Едут к тебе. Начальник поручил мне передать тебе, что ждет от тебя «полного сотрудничества», а это значит, надо отдать им негативы и все другие пленки, отснятые сегодня утром. Он сказал, чтобы я в это дело не вмешивалась. Никакого рассказа в газете не будет. С этой историей покончено.

– Давно они ушли?

– Пять минут назад. Успеешь еще сделать для меня отпечаток. Но не посылай его по факсу. Я сама зайду за ним.

– А как насчет того, что «меньше всего на свете я хочу конфликтовать с Обществом»?

– Они доберутся до тебя не раньше чем через двадцать минут. Спрячь отпечаток где-нибудь, чтобы Обществу он не попался.

– Не могу. – Я как будто «услышал» ее возмущенное молчание. – Мой проявитель сломался. Только что проглотил всю телепленку. – Тут я опять нажал кнопку выключения.

– Хотите посмотреть, кто задавил шакала? – спросил я Кэти и поманил ее к проявителю. – Это одна из лучших автоцистерн-водовозов в Финиксе.

Она подошла к экрану и остановилась перед ним, глядя на снимок. Если компьютеры Общества действительно хороши, можно бы доказать, что шакал уже был мертв, но Общество не станет так долго возиться с пленкой. Хантер и Сегура уничтожили уже, наверное, факсовые экземпляры. Пожалуй, стоило предложить им, когда они придут, опустить катушку в раствор марганцовки – просто чтобы сэкономить их время.

Я взглянул на Кэти:

– Очень у этого водовоза виноватый вид, правда? Только он не виноват.

Она ничего не ответила, не шевельнулась.

– Он бы убил шакала, если бы наехал на него. Он мчался со скоростью не менее девяноста миль в час. Но шакал был уже мертв.

Она взглянула на меня.

– Общество отправило бы Эмблеров в тюрьму. Конфисковало бы машину, которая была их домом последние пятнадцать лет, из-за несчастного случая, в котором не было виноватых. Они даже не видели, что зверь близко. Он выскочил прямо перед колесами у них.

Кэти подняла руку и прикоснулась пальцами к изображению шакала на экране.

– Они уже достаточно пострадали в жизни, – сказал я, глядя на нее. Совсем стемнело. Света я не включал, носик ее показался загорелым. С экрана на него падал отсвет красного грузовика.

– Все эти годы она обвиняла мужа в смерти своей собачки, а он ничего дурного не сделал. Просто фургон «виннебаго» всего сто квадратных футов. Он величиной примерно с

проявитель, а они прожили там пятнадцать лет. За это время дорожные полосы стали уже, многие дороги вообще закрыли для таких машин, как их фургон, а в нем и дышать-то почти невозможно, не то что жить, да еще она упрекает мужа в том, в чем он не виноват.

В красноватом свете от экрана Кэти выглядела шестнадцатилетней.

– Общество ничего не сделает ни с водителем, ни с цистернами, которые доставляют в Финикс ежедневно тысячи галлонов воды. Даже оно не рискнет спровоцировать бойкот, который могут объявить транспортники. Все негативы уничтожат и объявят дело закрытым. Зато и Эмблеров Общество преследовать не будет. И вас тоже.

Я повернулся к проявителю и скомандовал: «Ход!» На экране появились другие кадры. Юкка. Мое плечо. Моя спина. Чашки с ложками.

– К тому же, – добавил я, – для меня не внове переносить вину на других.

На экране мелькнуло плечо миссис Эмблер. Ее спина. Открытая дверь душевой.

– Я вам ничего не рассказывал про Аберфана?

Кэти не отрывала взгляда от экрана, и теперь ее лицо казалось бледным в светло-голубом отсвете крошечной душевой из стопроцентной пластмассы.

– Общество уже считает, что виноват грузовик-водовоз. Мне осталось только убедить газетное начальство. – Я дотянулся до телефона и отжал кнопку выключения. – Рамирез, хотите поохотиться за Обществом?

На экране спина Джейка, чашки, ложки, бачок.

– Я-то хотела. – Льда в голосе Рамирез хватило бы, чтобы заморозить Соленую реку. – Да твой проявитель сломался, и ты не смог сделать для меня оттиск.

На экране миссис Эмблер и Тако.

Я опять нажал кнопку выключения, не снимая с нее руки, и скомандовал: «Стоп! Печатать». Экран потускнел, и оттиск соскользнул в подносик. «Уменьшить оттиск. Однопроцентный марганцовый раствор. Показать на экране!» Я снял руку с кнопки.

– Слушай, Рамирез. Что подельывает сейчас Долорес Чивир?

– Работает над расследованием. А в чем дело?

Я не ответил. На экране постепенно тускнела фотография миссис Эмблер.

– Общество имеет-таки доступ к личным досье, – Рамирез отозвалась почти так же быстро, как Хантер. – Так вот почему ты запросил адрес своей давней приятельницы? Тебя, видно, совесть мучит.

Я ломал голову над тем, как бы сбить Рамирез со следа Кэти, а она сбилась сама, поспешив сделать вывод, – совсем как Общество. Еще немного постараться, и я сумею убедить и Кэти: «Вы знаете, почему я приехал к вам сегодня? На самом деле мне нужно было поймать Общество. Надо было выбрать человека, о котором Общество не могло ничего узнать из моего досье, о моих связях с которым никто бы ничего не знал».

Кэти продолжала смотреть на экран. Казалось, она наполовину поверила. Фотография миссис Эмблер еще больше потускнела. Никаких известных связей.

Я скомандовал «Стоп!».

– А что с грузовиком? – спросила Рамирез. – Он какое отношение имеет к твоей совести?

– Никакого. И Бюро водоснабжения тоже не имеет, а оно еще больше тиранствует, чем Гуманное Общество. Так что поступим, как велит наш директор. Полное сотрудничество. Дело закрыто. Мы их поймаем на том, что залезают в личные досье.

Она задумалась над моими словами, а может быть, уже отключилась от меня и стала вызывать Долорес Чивир. Я посмотрел на изображение миссис Эмблер на экране. Оно так побледнело, что казалось передержанным. Собачки Тако уже не было видно.

Я посмотрел на Кэти:

– Представители Общества будут здесь через пятнадцать минут. Я как раз успею рассказать вам об Аберфане. Садитесь. – Я показал на диван.

Она отошла от экрана и села. Я сказал:

– Это был замечательный пес. Он очень любил снег. Он копался в снегу, подбрасывал

его мордой, подпрыгивал и ловил хлопья.

Рамирез явно отключилась, но опять позвонит, если не найдет Долорес Чивир. Я нажал кнопку выключения и подошел к проявителю. На экране все еще держался образ миссис Эмблер. Промывание в марганцовке не слишком стерло ее черты. Можно было по-прежнему различить морщины и жидкие седые волосы, но выражение вины или упрека, утраты и любви пропало. Теперь она казалась спокойной, почти счастливой.

– Хорошие фотографии собак почти никогда не получаются. У них на морде нет таких мышц, которые помогают сделать выразительные снимки. А Аберфан к тому же, заведя фотокамеру, бросался на меня.

Я выключил проявитель. Теперь, когда экран погас, в комнате стало совсем темно, и я включил верхний свет.

– Тогда в Соединенных Штатах оставалось меньше сотни собак, а он уже переболел раз новым вирусом и чуть не умер. Мне удавалось снять его, только когда он спал. А мне хотелось иметь фотографию, когда он играл в снегу.

Я оперся на узенькую полочку перед экраном. У Кэти был такой же вид, как тогда у ветеринара. Она сидела, скрестив руки, и ждала от меня каких-то ужасных слов.

– Мне очень хотелось сделать снимок Аберфана, играющего в снегу, но он всегда бросался на камеру. И вот я выпустил его побегать перед домом, а сам потихоньку вышел через боковую дверь и перебежал через дорогу, надеясь спрятаться за соснами, которые росли там. Но он увидел меня.

– И побежал через дорогу, – сказала Кэти. – И я наехала на него.

Она, опустив глаза, все смотрела на свои руки. Я ждал и страшился того, что увижу в ее лице, когда она поднимет глаза. Или не увижу.

– Я долго не могла узнать, куда вы уехали, – заговорила она, обращаясь к своим рукам. – Я была уверена, что мне запрещен доступ к вашему досье. Наконец мне попалась в газете одна из сделанных вами фотографий, и тогда я переселилась в Финикс, но и тут я не решалась позвонить вам, боялась, что вы станете упрекать меня.

Она крутила руками у себя на коленях, как тогда крутила варежки.

– Муж говорил, что это у меня комплекс, который давно следовало преодолеть, как это сделали другие. Ведь это были всего лишь собаки. – Она подняла глаза, и я ухватился за проявитель. – Муж говорил, что прощения от других не получишь, но я не то чтобы хотела получить от вас прощение. Я просто хотела сказать вам, как мне больно от того, что так случилось.

Ее лицо не выражало ни упрека, ни обвинения, когда в тот день, у ветеринара, я закричал, что она ответственна за исчезновение целого вида животных. Упрека и сейчас на ее лице не было. И я с горечью подумал, может быть, оно лишено мускулов, которые нужны, чтобы его выразить.

– Знаете, почему я приезжал сегодня к вам? – Мой голос звучал сердито. – Когда я старался поймать Аберфана, моя фотокамера сломалась. Я не сумел сделать ни одного снимка. – Тут я выхватил из подносика проявителя фотографию миссис Эмблер и бросил ей. – Ее собака умерла от нового паравируса. Они оставили ее в своем фургоне, а когда вернулись, нашли уже мертвой.

– Бедняжка, – сказала Кэти и посмотрела не на снимок, а на меня.

– Эта женщина не знала, что ее снимают. Я подумал, что если заговорю с вами об Аберфане, мне удастся получить вашу фотографию, на которой отразится ваше воспоминание о нем.

Теперь я мог видеть это выражение, которого так ждал, когда ставил айзенштадт на кухонный столик в доме Кэти, о котором продолжал мечтать, хотя теперь айзенштадт был повернут не в ту сторону. Выражение ощущения, что тебя предали, которого не увидишь у собаки. Даже у Майши. Даже у Аберфана. Каково это – чувствовать себя виновным в исчезновении целого вида животных на Земле?

Я показал на айзенштадт.

– Это не чемоданчик, а фотокамера. Я хотел снять вас без вашего ведома.

Она не знала Аберфана. Не знала она и миссис Эмблер, но на секунду, прежде чем она расплакалась, в ее лице появилось что-то сходное с обоими. Она приложила руку ко рту.

– Ах, – сказала она, и в голосе ее звучали любовь и утрата. – Если бы у вас тогда был этот аппарат, беды бы не случилось.

Я посмотрел на айзенштадт. Если бы у меня тогда был такой аппарат, я поставил бы его на крыльцо, и Аберфан даже не заметил бы ничего. Он бы барахтался в снегу, подбрасывал его носом, и я мог бы бросать в него горстями белый, сверкающий снег, а он бы прыгал, и ничего бы дурного не произошло. Кэти Поуэлл проехала бы мимо нас, и я помахал бы ей рукой, а она, шестнадцатилетняя, только что научившаяся водить машину, может быть, рискнула бы оторвать на минуту от руля одну руку в рукавичке и махнуть мне в ответ. А Аберфан завертел бы хвостом так неистово, что взметнул бы снег над головой, и залаял бы на взлелеянные снежинки.

В третью волну вируса он уже не заразился бы. Он дожил бы до старости, лет до четырнадцати-пятнадцати, так, что перестал бы уже играть в снегу. Но если бы он остался самой последней собакой на свете, я не позволил бы запереть его в клетку. Не отдал бы его. Да, если бы у меня тогда был айзенштадт.

Неудивительно, что я возненавидел этот аппарат.

Прошло уже пятнадцать минут после звонка Рамирез. Представители Общества могли появиться в любую минуту.

– Вам не надо быть здесь, когда явятся эти люди, – сказал я, и Кэти согласно кивнула, стерла слезы со щек и встала, доставая свою сумку.

– Вы когда-нибудь фотографируете? – спросила она, закидывая сумку через плечо. – Я хочу сказать, не только для газет.

– Не знаю, долго ли я еще буду снимать для газет. Кажется, фотожурналист как профессия скоро исчезнет.

– Может быть, вы приехали бы как-нибудь сфотографировать Яну и Кевина? Дети растут так быстро, не успеешь оглянуться, а они уже совсем другие.

– Рад буду это сделать, – сказал я, открывая дверь и оглядывая темную улицу. – Путь свободен. – Она вышла. Я закрыл решетчатую дверь.

Она обернулась, и я в последний раз увидел ее милое, открытое лицо, которое даже я не мог «закрыть».

– Мне недостает их, маленьких, – сказала она.

– Мне тоже недостает детей, – сказал я, поднимая руку к двери.

Я смотрел ей вслед, пока она не завернула за угол, а потом вернулся к себе в комнату, снял со стены фотографию Майши и поставил ее у проявителя так, чтобы Сегура заметил ее, войдя в комнату. Примерно через месяц, когда Эмблеры благополучно вернутся в Техас и Общество позабудет о Кэти, я позвоню Сегуре и скажу ему, что, может быть, соглашусь продать эту фотографию Обществу, а через некоторое время скажу, что раздумал. Он придет уговаривать меня, а я расскажу ему о Пердите и о Беатрисе Поттер, а он мне об Обществе.

За то, что мне удастся вытянуть из него, слава пусть достанется Рамирез и Чивир. Я не хочу, чтобы Хантер о чем-нибудь догадался. Справиться с Обществом будет нелегко, одним разговором здесь не обойдешься, но для начала и это будет неплохо.

Кэти оставила на диване фотографию миссис Эмблер. Я поднял ее, взглянул еще раз, а потом опустил в проявитель, скомандовав: «Смыть». Потом снял со стола айзен, вытащил из него катушку пленки, хотел засветить ее, но вместо этого засунул в проявитель и пустил его в ход по команде: «Позитивы, раз-два-три, пять секунд». Сначала появилось с десятков кадров заднего сиденья моей «хитори», потом машины и пешеходы. Снимки в доме Кэти все были затенены. Здесь был натюрморт с прохладительным напитком и стаканом с наклеенной картинкой кита. Еще натюрморт: автомобильчики Яны. Потом несколько почти черных снимков. Кэти положила айзенштадт объективом вниз, когда привезла его мне.

– Две секунды! – скомандовал я и дождался, пока из проявителя полетят последние

кадры, чтобы убедиться в том, что на ролике ничего больше нет, и смыть с него все до прихода представителей Общества. Все кадры, кроме самого последнего, были совершенно темными – ведь айзенштадт лежал лицом вниз. А на последнем кадре был я сам.

Чтобы сделать хорошую фотографию, надо добиться, чтобы человек забыл, что его снимают. Это известное правило. Надо отвлечь фотографируемых. Пусть они говорят о чем-нибудь, что им дорого.

– Стоп! – и мое изображение замерло на экране.

Аберфан был замечательной собакой. Он любил играть в снегу и, после того как я убил его, он приподнял голову с моих колен и попытался лизнуть мою руку.

Люди из Общества сейчас придут, заберут телеснимки, чтобы уничтожить их, и этот тоже надо смыть, как остальные с этой катушки. Нельзя рисковать и напоминать Хантеру о Кэти. Да и Сегуре могло прийти в голову размножить снимок Яниных автомобильчиков.

Это уж было бы слишком скверно. Айзенштадт делает замечательные снимки. «Ты сам позабудешь, что перед тобой фотокамера», – повторяла Рамирез заученные слова, но это было действительно так. Я смотрел прямо в объектив. В моем взгляде было все: Майша, и Тако, и Перлита, и то, как смотрел на меня Аберфан, когда я погладил его по голове и сказал ему, что все будет хорошо, это выражение любви и жалости, которое я пытался отыскать все эти годы. Образ Аберфана.

Сейчас придут люди из Общества. «Выбросить!» – скомандовал я, развернул ролик и засветил его.